

P 42
eg. 252

БИБЛІОТЕКИ

Л.Г.Преображенского полка

Шкафъ №
Книга №

~~975.931.~~

~~A 265~~ R $\frac{49}{259}$
~~80~~

бартомеке BK

КОНЕКЪ ГОРБУНОКЪ.



Грав. на дер. Л. Съряковъ.

Печ. Э. Шефферъ.

~~263
80~~ 45 Р 42
~~252~~

КОНЕКЪ ГОРБУНОКЪ.

Р. В С. Р.

РУССКАЯ СКАЗКА

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТИХЪ

СОЧИНЕНИЕ

ПЕТРА ЕРШОВА

Съ семью картинками, рисованными на деревѣ

Р. Б. Жуковскимъ и гравированными Л. Сѣряковыиъ.

Издание шестое.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.



op. 33-1012

Дозволено цензурою, С-Петербургъ 9-го марта 1865.



2011094730

ТИПОГРАФИЯ КЕСНЕВИЛЯ, ГОРОХОВАЯ, 50.

ЧАСТЬ I.

„Начинается сказка сказываться.“

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Противъ неба, — на землѣ ,
Жилъ стариkъ въ одномъ селѣ .
У старинушки три сына:
Старшій умній былъ дѣтина ,
Средній сынъ и такъ и сякъ ,
Младшій вовсе былъ дуракъ .
Братья сѣяли пшеницу ,
Да возили въ градъ столицу ;
Знать столица та была

Не далече отъ села .
Тамъ пшеницу продавали ,
Деньги счетомъ принимали ,
И съ набитою сумой
Возвращались домой .

Въ долгомъ времени , аль вскорѣ ,
Приключилося имъ горѣ :
Кто-то въ полѣ сталъ ходить
И пшеницу шевелить .
Мужички такой печали
Отродяся не видали ;
Стали думать да гадать —
Какъ бы вора соглядатъ ;
Наконецъ себѣ смекнули ,
Чтобъ стоять на караулѣ ,
Хлѣбъ почами поберечь ,
Злаго вора подстеречь .

Вотъ , какъ стало лишь смеркаться ,
Началъ старшій братъ сбираться ,

Вынулъ вилы и тапоръ ,
И отправился въ дозоръ .
Ночь ненастная настала ;
На него боязнь напала ,
И со страховъ пашъ мужикъ
Закопался подъ сѣнникъ .
Ночь проходитъ, день приходитъ ;
Съ сѣнника дозорный сходитъ ,
И, обливъ себя водой ,
Сталь стучаться подъ избой :
«Эй, вы, сонные тетери !
«Отпираите брату двери .
«Подъ дождемъ я весь промокъ
«Съ головы до самыхъ ногъ .»
Братья двери отворили
Караульщика впустили ,
Стали спрашивать его —
Не видалъ ли онъ чего ?
Караульщикъ помолился ,
Вправо , влѣво поклонился ,
И , прокашлявшись , сказалъ :

«Всю я ноченьку не спалъ ;
«На мое-жъ при томъ несчастье
«Было страшное испастье :
«Дождь вотъ такъ ливмя и лилъ,
«Рубашенку всю смочилъ.
«Ужъ куда какъ было скучно!...
«Впрочемъ все благополучно.»
Похвалилъ его отецъ :
«Ты, Данило, молодецъ !
«Ты, вотъ такъ сказать примѣрио,
«Сослужилъ мнъ службу вѣрно ,
«То есть, будучи при всемъ ,
«Не ударилъ въ грязь лицомъ. »

Стало съизнова смеркаться :
Средній братъ пошелъ сбираться ,
Взялъ и вилы и тапоръ ,
И отправился въ дозоръ .
Ночь холодная настала ,
Дрожь на малаго напала ,
Зубы начали плясать ;

Онъ ударился бѣжать , —
П всю ночь ходилъ дозоромъ
У сосѣдки подъ заборомъ .
Жутко было молодцу !
Но вотъ утро . Онъ къ крыльцу .
« Эй , вы , сони ! что вы спите !
« Брату двери отоприте ;
« Ночью страшный былъ морозъ ,
« До животиковъ промерзъ . »
Братья двери отворили ,
Караульщика впустили ,
Стали спрашивать его —
Не видаль ли онъ чего ?
Караульщикъ помолился ,
Вправо , влѣво поклонился ,
И сквозь зубы отвѣчалъ :
» Всю я поченьку не спалъ ,
« Да къ моей судьбѣ несчастной ,
« Ночью холодъ былъ ужасный ,
« До сердцовъ меня пробралъ ;
« Всю я почку проскакалъ ;

« Слишкомъ было несподручно....

« Впрочемъ все благополучно. »

И ему сказалъ отецъ :

« Ты, Гаврило, молодецъ ! »

Стало въ третій разъ смеркаться,

Надо младшему сбираться;

Онъ и усомъ не ведеть,

На печи въ углу поетъ

Изо всей дурацкой мочи :

« Распрекрасныя вы очи ! »

Братья ну ему пеять.

Стали въ поле погонять ,

Но сколь долго не кричали,

Только голось потеряли:

Онъ ни съ мѣста. Наконецъ

Подошелъ къ нему отецъ,

Говорить ему : « Послушай,

« Побѣгай въ дозоръ, Ванюша ;

« Я куплю тебѣ лубковъ,

« Дамъ гороху и бобовъ. »

Туть Иванъ съ печи слѣзаетъ,
Малахай свой надѣваетъ,
Хлѣбъ за пазуху кладетъ,
Караулъ держать идетъ.

Ночь настала ; мѣсяцъ всходитъ ;
Поле все Иванъ обходитъ,
Озираючись кругомъ,
И садится подъ кустомъ :
Звѣзды на небѣ считаетъ,
Да краюшку уплетаетъ.
Вдругъ о полночь конь заржалъ...
Караульщикъ нашъ привсталъ,
Посмотрѣлъ подъ рукавицу,
И увидѣлъ кобылицу.
Кобылица та была
Вся какъ зимній снѣгъ бѣла,
Грива въ землю, золотая,
Въ мелки кольцы завитая.
«Эхе-хе ! такъ вотъ какой
«Нашъ воришко !... Но, постой,

»Я шутить вѣдь не умѣю,
« Разомъ сяду те на шею.
« Вишь, какая саранча ! »
И минуту улucha,
Къ кобылицѣ подбѣгаetъ,
За волнистый хвостъ хватаетъ —
И прыгнулъ къ ней на хребетъ —
Только задомъ напередъ.
Кобылица молодая,
Очью бѣшено сверкая,
Змѣемъ голову свила,
И пустилась какъ стрѣла.
Вѣтается кругомъ надъ полями,
Виснетъ пластью надъ рвами,
Мчится скокомъ по горамъ,
Ходить дыбомъ по лѣсамъ,
Хочетъ силой, аль обманомъ,
Лишь бы справиться съ Иваномъ;
Но Иванъ и самъ не простъ, —
Крѣпко держится за хвостъ.

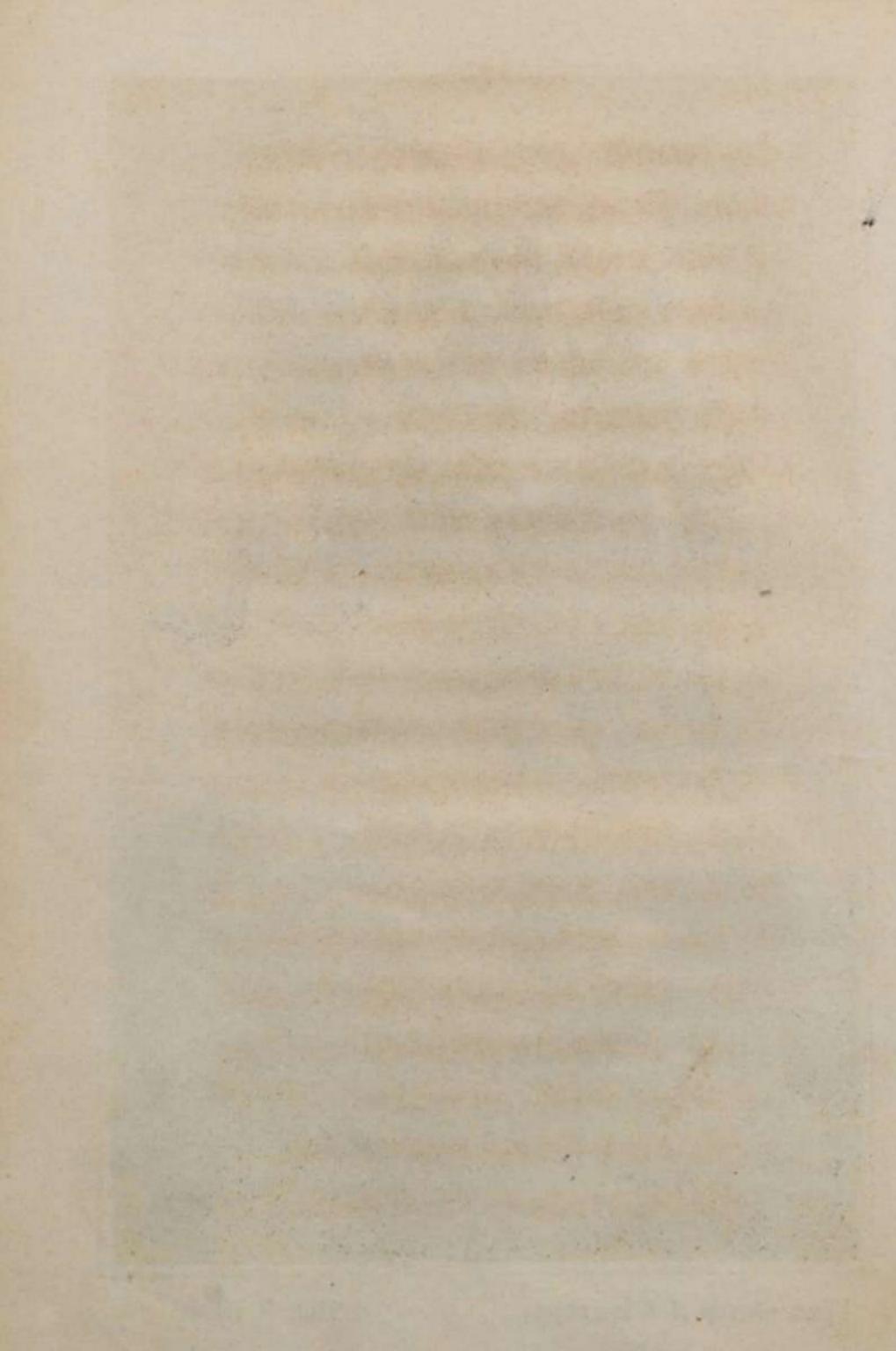






Грав. на дер. Л. Сѣряковъ.

Печ. Э. Шефферъ.



На конец она устала.
« Ну, Иванъ (ему сказала),
« Коль умѣль ты усидѣть,
« Такъ тебѣ мнай и владѣть.
« Дай мнѣ място для покою,
« Да ухаживай за мною,
« Сколько смыслишь. Да смотри,
« По три утренни зари
« Выпуштай меня на волю,
« Погулять по чисту полю.
« По исходѣ же трехъ дней,
« Двухъ рожу тебѣ коней, —
« Да такихъ, какихъ понынѣ
« Не бывало и въ поминѣ;
« Да еще рожу конька,
« Ростомъ только въ три вершка,
« На спинѣ съ двумя горбами,
« Да съ аршинными ушами.
« Двухъ коней, коль хошь, продай,
« Но конька не отдавай
» Ни за поясъ, ни за шапку,

« Ни за чернью, слышь, бабку.
« На землѣ и подъ землей
« Онъ таварищъ будеть твой ;
« Онъ зимой тебя согрѣтъ,
« Лѣтомъ холодомъ обвѣтъ ;
« Въ голодъ хлѣбомъ угостить
« Въ жажду медомъ напоить.
« Я же снова выйду въ поле
« Силы пробовать на волѣ. »

Ладпо, думаетъ Иванъ,
И въ настущій балаганъ
Кобылицу загоняетъ,
Дверь рогожей закрываетъ,
И лишь только разсвѣло,
Отправляется въ село,
Папѣвая громко пѣсню :
« Ходилъ молодецъ на прѣсню. »

Вотъ онъ всходитъ на крыльцо,
Вотъ хватаетъ за кольцо,

Что есть силы въ дверь стучится,

Чуть что кровля пе валится,

И кричитъ на весь базарь,

Словно сдѣлался пожаръ.

Братья съ лавокъ поскакали,

Зашкаясь, вскричали :

« Кто стучится сильно такъ ? »

— « Это я, Иванъ-дуракъ ! » —

Братья двери отворили,

Дурака въ избу впустили,

И давай его ругать , —

Какъ онъ смѣль ихъ такъ пугать !

А Иванъ нашъ, ни снимая

Ни лаптей, ни малахая,

Отправляется на печь

И ведеть оттуда рѣчь

Про почное похожденье,

Всѣмъ ушамъ на удивленье :

« Всю я почепьку не спалъ,

« Звѣзды на небѣ считалъ ;

« Мѣсяцъ ровно тоже свѣтилъ,

« Я порядкомъ не примѣтилъ.
« Вдругъ приходитъ дьяволъ самъ,
« Съ бородою и съ усамъ ;
« Рожа словно какъ у кошки ,
« А глаза-то что те плошки !
« Вотъ и стала тотъ чортъ скакать ,
« И зерно хвостомъ сбивать.
« Я шутить вѣдь не умѣю ,
« И вскочи ему на шею.
« Ужъ таскалъ же онъ, таскалъ ,
« Чуть башки миѣ не сломалъ ,
« Но и я ведь самъ не промахъ ,
« Слыши, держаль его какъ въ жомахъ ,
« Бился, бился мой хитрецъ
« И взмолился наконецъ :
— « Не губи меня со свѣта !
« Цѣлый годъ тебѣ за это
« Обѣщаюсь смирино жить ,
« Православныхъ пе мутить . » —
« Я слыши, словъ-то пе помѣрилъ ,
« Да чертенику и повѣрилъ . »

Тутъ разскащикъ замолчалъ,
Позѣвнулъ и задремалъ.
Братья, сколько не сердчали,
Не смогли — захохотали,
Ухватившись подъ бока,
Надъ разсказомъ дурака.
Самъ старикъ не могъ сдержаться,
Чтобъ до слезъ не посмѣяться :
Хоть смѣяться, такъ оно
Старикамъ ужъ и грѣшино.

Много ль времени, аль мало
Съ этой ночи пробѣжало, —
Я про это ничего
Не слыхалъ ни отъ кого.
Ну, да что намъ въ томъ за дѣло, —
Годъ ли, два ли пролетѣло,
Вѣдь за ними не бѣжать....
Станемъ сказку продолжать.

Ну-съ, такъ вотъ что! Разъ Данило

(Въ праздникъ, помнится, то было),
Натянувшись зѣлью пьянъ,
Затащился въ балаганъ.

Что жъ онъ видитъ? — Прекрасивыхъ
Двухъ коней золотогривыхъ,
Да игрушечку — конька
Ростомъ только въ три вершка,
На спинѣ съ двумя горбами,
Да съ аршинными ушами.

«Хмъ! теперь-то я узналъ,
«Для чего здѣсь дурень спалъ?»
Говорить себѣ Данило....

Чудо разомъ хмѣль посбило;
Вотъ Данило въ домъ бѣжитъ
И Гаврилъ говорить:
«Посмотри, какихъ красивыхъ
«Двухъ коней золотогривыхъ
«Нашъ дуракъ себѣ досталъ:
«Ты и слыхомъ не слыхалъ.»

И Данило да Гаврило,

Что въ ногахъ ихъ мочи было,

По крапивъ прямикомъ
Такъ и дуютъ босикомъ.

Спотыкнувшись три раза,
Ночинивши оба глаза,
Нотирая здѣсь и тамъ,
Входятъ братья къ двумъ конямъ,
Кони ржали и хранили,
Очи яхонтомъ горѣли ;
Въ мелки кольца завитой,
Хвостъ струился золотой,
И алмазныя копыты
Крупныя жемчугомъ обиты.
Любо-дорого смотрѣть !
Лишь царю бъ на нихъ сидѣть .
Братья такъ на нихъ смотрѣли ,
Что чуть-чуть не окривѣли .
« Гдѣ онъ это ихъ досталъ ?
(Старшій среднему сказалъ).
« Но давно ужъ рѣчь ведется ,
Что лишь дуриамъ кладъ дается ,

«Ты жъ хоть лобъ себѣ разбей ,
«Такъ не выбѣшь двухъ рублей.
«Ну, Гаврило, въ ту седмицу
«Отведемъ-ка ихъ въ столицу
«Тамъ боярамъ продадимъ ,
«Деньги ровно подѣлимъ;
«А съ деньжонками, самъ знаешь ,
«И попьешь и погуляешь ,
«Только хлопни по мѣшку .
«А благому дураку
«Не достанетъ вѣдь догадки ,
«Гдѣ гостятъ его лошадки ;
«Пусть ихъ ищетъ тамъ и сямъ .
«Ну, пріятель, по рукамъ!»
Братья разомъ согласились ,
Обнялись, перекрестились
И вернулися домой ,
Говоря промежъ собой
Про коней и про пирушку ,
И про чудную звѣрушку .

Время катитъ чередомъ ,
Часъ за часомъ, день за днемъ;
И на первую седмицу
Братья ўдуть въ градъ-столицу,
Чтобъ товаръ свой тамъ продать,
И на пристани узнатъ —
Не пришли ли съ кораблями
Нѣмцы въ городъ за холстами ,
И пейдетъ ли царь Салтанъ
Бусурманить христіанъ?
Вотъ иконамъ помолились ,
У отца благословились ,
Взяли двухъ коней тайкомъ.
И отправились тишкомъ.

Вечеръ къ почн пробирался:
На почлегъ Иванъ собрался ;
Вдоль по улицѣ идетъ ,
Ѣсть краюшку, да поетъ.
Вотъ онъ поля достигаетъ ,
Руки въ боки подшираетъ.

И съ прискочкой, словно пань,
Бокомъ входитъ въ балаганъ.

Все по прежнему стояло ,
Но коней какъ не бывало ;
Лишь игрушка—горбунокъ
У его вертѣлся ногъ ,
Хлопаль съ радости ушами ,
Да приплясывалъ ногами.
Какъ завоетъ тутъ Иванъ ,
Опершись о балаганъ .
« Ой, вы, кони буры-сивы ,
« Добры кони златогривы !
« Я ль васъ, други, не ласкалъ ,
» Да какой васъ чортъ укралъ ?
« Чтобъ пропасть ему, собакъ !
« Чтобъ издохнуть въ буеракѣ !
« Чтобъ ему на томъ свѣту
« Провалиться на мосту !
« Ой, вы, кони буры-сивы ,
« Добры кони златогривы ! »

Тутъ конекъ ему заржалъ ,
«Не тужи, Иванъ (сказалъ) ;
«Велика бѣда, не спорю ;
«Но могу помочь я горю ,
«Ты на черта не клепли :
«Братья кониковъ свели .
«Ну, да что болтать пустое ,
«Будь, Иванушка, въ покоѣ ,
«На меня скорѣй садись ,
«Только знай себѣ держись ;
«Я хоть росту небольшаго ,
«Да смѣю коня другаго :
«Какъ пущусь да побѣгу ,
«Такъ и бѣса настигу .»

Тутъ конекъ предъ нимъ ложится ;
На конька Иванъ садится ,
Уши въ загриби беретъ ,
Что есть мочушки реветь .
Горбунокъ-конекъ встряхнулся ,
Всталъ на лапки , встрепыхнулся ,

Хлопнуль гривкой, захрапѣль,
И стрѣлою полетѣль;
Только пыльными клубами
Вихорь вился подъ ногами,
И въ два мига, коль не въ мигъ,
Нашъ Иванъ воровъ настигъ.

Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись;
А Иванъ имъ сталъ кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
«Хоть Ивана вы умиѣе,
«Да Иванъ-то васъ честнѣе:
«Онъ у васъ коней не краль.»
Старшій, корчась, тутъ сказалъ:
«Дорогой нашъ братъ, Иваша !
«Что переться, дѣло наше;
«Но возьми же ты въ расчетъ
«Не корыстный нашъ животъ.
Сколь пшеницы мы не съемъ,
«Чуть насущній хлѣбъ имѣемъ.

«А коли неурожай,
«Такъ хоть въ петлю полѣзай.
«Вотъ въ такой большой печали
«Мы съ Гаврилой толковали
«Всю намеднишнюю ночь —
«Чѣмъ бы горюшку помочь?
«Такъ и этакъ мю рѣшили ,
«Наконецъ вотъ такъ вершили,
«Чтобъ продать твоихъ коньковъ
«Хошь за тысячу рублей.
«А въ спасибо, молвить къ слову,
«Привезти тебѣ обнову —
«Красиу шапку съ позвонкомъ,
«Да сапожки съ каблучкомъ.
«Да къ тому жъ, стариkъ неможеть,
«Работать уже не можетъ;
«А вѣдь надо жъ мыкать вѣкъ,
«Самъ ты умный человѣкъ!» !
— «Ну, коль этакъ, такъ ступайте,
«(Говорить Иванъ), продайте
«Златогривыхъ два коня,

«Да возмите жъ и меня.»
Братья больно покосились,
Да пельзя же ! согласились.

Стало на небѣ темнѣть ;
Воздухъ началъ холодѣть ;
Вотъ, чтобъ имъ не заблудиться,
Рѣшено остановиться.
Подъ навѣсами вѣтвей
Привязали всѣхъ коней,
Принесли съ юстнымъ лукошко,
Опохмѣлися немножко,
И пошли, что Боже дастъ,
Кто во что изъ нихъ гораздъ.

Вотъ Данило вдругъ примѣтилъ,
Что огонь вдали засвѣтилъ.
На Гаврилу онъ взглянулъ,
Лѣвымъ глазомъ подмигнулъ
И прикашлянулъ легонько,
Указавъ огонь тихонько.
Тутъ въ затылкъ почесаль

« Эхъ, какъ темно ! (онъ сказалъ).

« Хоть бы мѣсяцъ этакъ въ шутку

« Къ намъ проглянулъ на минутку,

« Все бы легче. А теперь,

« Право, хуже мы теперь....

« Да постой-ка.... мнѣ сдается,

« Что дымокъ тамъ свѣтлый вѣется....

« Видишь, эвонъ !... такъ и есть !...

« Вотъ бы курево развѣсть !

« Чудо было бъ !... А послушай,

« Побѣгай-ка, братъ Ванюша.

« А признаться, у меня

« Ни огнива, ни кремия, »

Самъ же думаетъ Данило :

« Чтобъ тебя тамъ задавило ! »

А Гаврило говоритъ :

« Кто пень знаетъ что горить !

« Коль станичники пристали, —

« Поминай его, какъ звали ! »

Все пустякъ для дурака,

Онъ садится на конька,
Бьеть въ круты бока ногами,
Теребить его руками,
Изо всѣхъ горланитъ силъ....
Конь взвился и слѣдъ простылъ.
«Буди съ нами крестна сила !
(Закричалъ тогда Гаврило,
Оградяясь крестомъ святымъ),
«Что за бѣсь такой подъ нимъ ! »

Огонекъ горить свѣтлѣе,
Горбунокъ бѣжитъ скорѣе.
Вотъ ужъ онъ передъ огнемъ.
Свѣтить поле, словно днемъ ;
Чудной свѣтъ кругомъ струится,
Но не грѣеть, не дымится.
Диву дался тутъ Иванъ.
« Что (сказалъ онъ) за шайтанъ !
« Шапокъ съ пять найдется свѣту,
« А тепла и дыму пѣту ;
« Эко чудо огонекъ ! »

Говорить ему конекъ :
« Вотъ ужъ есть чему дивиться !
« Тутъ лежитъ перо Жаръ-птицы.
« Но для счастья своего
« Не бери себѣ его.
« Много, много непокою
« Принесетъ оно съ собою. »
— « Говори ты ! какъ не такъ ! » —
Про себя ворчитъ дуракъ ;
И, поднявъ перо Жаръ-птицы,
Завернуль его въ тряпицы,
Тряпки въ шапку положилъ,
И конька поворотилъ.
Вотъ онъ къ братьямъ пріѣзжаетъ
И на спрось ихъ отвѣчаетъ:
« Какъ туда я доскакалъ,
« Ненъ горѣлый увидалъ ;
« Ужъ надъ нимъ я бился, бился,
« Такъ что чуть не надсадился ;
« Раздувалъ его я съ часть,
« Нѣдъ, вѣдь, чортъ возьми, угадъ ! »

Братья цѣлу почь не сиали,
Надъ Иваномъ хохотали ;
А Иванъ подъ возъ присѣлъ,
Вплоть до утра прохрапѣлъ.

Тутъ копей они вирягали,
И въ столицу прѣѣзжали,
Становились въ конный рядъ,
Супротивъ большихъ наладъ.

Въ той столицѣ былъ обычай,
Коль не скажетъ городничій, —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вотъ обѣдня наступаетъ ;
Городничій выѣзжаетъ
Въ туфляхъ, въ шапкѣ мѣховой,
Съ сотней стражи городской.
Рядомъ єдетъ съ нимъ глашатый,
Длинноусый, бородатый ;
Онъ въ злату трубу трубить,
Громкимъ голосомъ кричитъ :

« Гости ! лавки отпираите,
« Покупайте, продавайте ;
« А надсмотрщикамъ сидѣть
« Подлѣ лавокъ и смотрѣть,
« Чтобы не было содому,
« Ни давежа, ни погрому,
« И чтобы никакой уродъ
« Не обманывалъ народъ ! »
Гости лавки отпираютъ;
Людъ крещеный закликаютъ :
« Эй, честные госнода,
« Къ намъ пожалуйте сюда !
« Какъ у насъ ли тары-бары,
« Всаки разные товары ! »
Покупальщики идутъ,
У гостей товаръ берутъ ;
Гости денежки считаютъ,
Да надсмотрщикамъ мигаютъ.

Между тѣмъ градской отрядъ
Пріѣзжаетъ въ конный рядъ ;

Смотрить — давка отъ народу,
Нѣть ни выходу, ни входу ;
Такъ кишма вотъ и кишмтъ,
И смѣются и кричатъ.
Городничій удивился,
Что народъ развеселился,
И приказъ отряду далъ,
Чтобъ дорогу прочищалъ.
«Эй ! вы, черти босоноги !
Прочь съ дороги ! прочь съ дороги !»
Закричали усачи,
И ударили въ бичи.
Тутъ народъ зашевелился,
Шапки снялъ и разстутился.

Предъ глазами конный рядъ :
Два коня въ ряду стоять,
Молодые, вороные,
Въются гривы золотыя,
Въ мелки кольцы завитой,
Хвостъ струнтся золотой....

Нашъ старикъ, сколь ни былъ пылокъ,
Долго теръ себѣ затылокъ,
«Чуденъ!» молвилъ, «Божій свѣтъ!
«Ужъ какихъ чудесъ въ немъ иѣть!»
Весь отрядъ тутъ поклонился,
Мудрой рѣчи подивился.
Городничій, между тѣмъ,
Наказалъ престрого всѣмъ,
Чтобъ копей не покупали,
Не зѣвали, не кричали;
Что онъ єдетъ ко двору
Доложить о всемъ Царю.
И, оставивъ часть отряда,
Онъ поѣхалъ для доклада.

Пріѣзжаетъ во дворецъ,
«Ты помилуй, Царь-отецъ!»
Городничій восклицаетъ,
И всѣмъ тѣломъ упадаетъ:
«Не вели меня казнить,

«Прикажи мнъ говорить!»

Царь изволилъ молвить: «Ладно,

«Говори, да только складно.»

— «Какъ умью, разскажу:

«Городничимъ я служу:

«Вѣрой-правдой исправляю

«Эту должность....» — Знаю, знаю!

— «Вотъ сегодня, взявъ отрядъ,

«Я поѣхалъ въ конный рядъ,

«Прѣѣжаю — тьма народу!

«Ну, ни выходу, ни входу.

«Что тутъ дѣлать?... Приказалъ

«Гнать народъ, чтобъ не мѣшаль.

«Такъ и сталося, Царь-Надежа!

«И поѣхалъ я,—и что-же?....

«Предо мною конный рядъ:

«Два коня въ ряду стоять,

«Молодые, вороные,

«Вьются гривы золотыя,

«Въ мелки кольцы завитой,

«Хвостъ струится золотой,

« И алмазныя копыты,

« Крупнымъ жемчугомъ обиты. »

Царь не могъ тутъ усидѣть.

« Надо коней поглядѣть, »

Говорить онъ: « да не худо

« И завесть такое чудо.

« Гей, повозку мнѣ! » — И вотъ

Ужъ повозка у воротъ ;

Царь умылся, нарядился,

И на рынокъ покатился;

За Царемъ стрѣльцовъ отрядъ.

Вотъ онъ вѣхалъ въ конный рядъ.

На колѣни всѣ тутъ пали,

И ура! Царю кричали.

Царь раскланялся и въ мигъ

Молодцемъ съ повозки прыгъ....

Глазъ своихъ съ коней не сводить,

Справа, слѣва къ нимъ заходить,

Словомъ ласковымъ зоветь,
По спинѣ ихъ тихо бѣть,
Треплеть шею ихъ крутую,
Гладить гриву золотою,
И, довольно пасмотрясь,
Онъ спросилъ оборотясь
Къ окружавшимъ: « Эй, ребята!
« Чыи такіе жеребята?
« Кто хозяинъ? »—Тутъ Иванъ
Руки въ боки, словно панъ,
Изъ-за братьевъ выступаетъ
И, падувшись, отвѣчаетъ:
« Эта пара, Царь, моя,
« И хозяинъ — тоже я. »
— « Ну, я пару покупаю ;
« Продаешь ты? »—« Нѣтъ, мѣняю. »
— Что въ промѣнь берешь добра? »
« Два-пять шапокъ серебра. »
— « То есть, это будетъ десять. »
Царь тотчасъ велѣль отвѣсить,
И, по милости своей,

Далъ въ прибавокъ пять рублей.
Царь-то былъ великодушный !

Повели коней въ конюшни
Десять конюховъ сѣдыхъ,
Всѣ въ пашибкахъ золотыхъ,
Всѣ съ цвѣтиными кушаками,
И съ сафьянными бичами.
Но дорогой, какъ на смѣхъ,
Кони съ ногъ ихъ сбили всѣхъ,
Всѣ уздечки разорвали,
И къ Ивану прибѣжали.

Царь отправился назадъ,
Говорить ему : « Ну, братъ,
« Пара нашимъ не дается ;
« Дѣлать нечего, придется
« Во дворцѣ тебѣ служить ;
« Будешь въ золотѣ ходить,
« Въ красно платье паряжаться,
« Словно въ маслѣ сыръ кататься ;

« Всю конюшенну мою
« Я въ приказъ тебѣ даю,
« Царско слово въ томъ порука.
« Что, согласенъ? — « Эка штука !
« Во дворцѣ я буду жить,
« Буду въ золотѣ ходить,
« Въ красно платье наряжаться,
« Словно въ маслѣ сыръ кататься,
« Весь конюшенныи заводъ
« Царь въ приказъ мнѣ отдасть;
« То есть, я изъ огорода
« Стану царскій воевода.
« Чудно дѣло ! Такъ и быть,
« Стану, Царь, тебѣ служить.
« Только, чуръ, со мной не драться,
« И давать мнѣ высыпаться,
« А не то, я быль таковъ !»

Тутъ опѣ кликуль скакуновъ
И пошелъ вдоль по столицѣ,
Самъ махая рукавицей,

И, подъ пѣсню дурака,
Кони пляшутъ трепака;
А конекъ его — горбатко
Такъ и ломится въ присядку,
Къ удивленью людямъ всѣмъ.

Два-же брата между тѣмъ
Деньги Царски получили,
Въ пояски ихъ позашили,
Постучали ендовой,
И отправились домой.
Дома дружно подѣлились,
Оба въ разъ они женились,
Стали жить да поживать,
Да Ивана поминать.

Но теперь мы ихъ оставимъ,
Снова сказкой позабавимъ
Православныхъ Христіанъ,
Что надѣдалъ нашъ Иванъ,
Находясь во службѣ царской,

При конюший государской;
Какъ въ сусѣдки онъ попалъ,
Какъ перо свое проспалъ,
Какъ хитро поймалъ Жарь-птицу,
Какъ похитилъ Царь-дѣвицу,
Какъ онъ ъездилъ за кольцомъ,
Какъ былъ на небѣ посломъ,
Какъ онъ въ солнцевомъ селеньѣ
Киту выпросилъ прощенье;
Какъ къ числу другихъ затѣй,
Спась онъ тридцать кораблей;
Какъ въ котлахъ онъ не сварился,
Какъ красавцемъ учинился;
Словомъ: наша рѣчь о томъ,
Какъ онъ сдѣлался царемъ.

ЧАСТЬ II.

«Скоро сказка сказывается,
«А не скоро дѣло дѣлается,»

Зачинается разсказъ
Отъ Ивановыхъ проказъ,
И отъ сивка, и отъ бурка,
И отъ вѣщаго коурка.
Козы на море ушли;
Горы лѣсомъ поросли;
Конь съ златой узды сорвался,
Прямо къ солнцу поднимался;
Лѣсь стоячій подъ ногой,
Сбоку облакъ громовой;
Ходить облакъ и сверкаеть,
Громъ по небу разсыпаеть.



Это присказка: пожди,
Сказка будетъ впереди.
Какъ на морѣ-Окіянѣ,
И на островѣ Буянѣ,
Новый гробъ въ лѣсу стоять,
Въ гробѣ дѣвица лежитъ;
Соловей надъ гробомъ свищетъ;
Черный звѣрь въ дубравѣ рыщетъ
Это присказка, а вотъ —
Сказка чередомъ пойдетъ.

Ну, такъ видите-ль, міряне,
Православны Христіяне,
Нашъ удалый молодецъ
Затесался во дворецъ;
При конюшнѣ царской служить,
И нисколько не потужить
Опъ о братьяхъ, объ отцѣ,
Въ государевомъ дворцѣ.
Да и что ему до братьевъ?
У Ивана красныхъ платьевъ,

Красныхъ шапокъ, сапоговъ,
Чуть не десять коробовъ:
Быть онъ сладко, спить онъ столько,
Что раздолье, да и только!

Вотъ недѣлей черезъ пять,
Началъ Спальникъ примѣчать...
Надо молвить: этотъ Спальникъ
До Ивана былъ начальникъ
Надъ конюшной надо всей,
Изъ боярскихъ слылъ дѣтей;
Такъ не диво, что онъ злился
На Ивана, и божился,
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вонъ изъ дворца.
Но лукавство сокрываая,
Онъ для всякаго случая
Притворился, плутъ, глухимъ,
Близорукимъ и нѣмымъ;
Самъ-же думаетъ: « постой-ка,
«Я те двину, неумойка! »

Такъ недѣлей черезъ пять,
Спальникъ началъ примѣтать,
Что Иванъ коней не холитъ,
И не чистить, и не школитъ;
Но при всемъ томъ два коня
Словно лишь изъ-подъ гребия:
Чисто-на-чисто обмыты,
Гривы въ косы перевиты,
Чолки собраны въ пучокъ,
Шерсть — ну, лоснится какъ шозкъ;
Въ стойлахъ — свѣжая пшеница,
Словно тутъ же и родится,
И въ чаиахъ большихъ сыта
Будто только налита.
«Что за притча тутъ такая ?»
Спальникъ думаетъ, вздыхая:
«Ужъ не ходить ли, постой,
«Къ намъ прооказникъ домовой ?
Да-ка я подкараулю,
«А нешто, такъ я и пулю,
«Не смигнувъ, умѣю слить:

«Лишь бы дурня уходить.
«Донесу я въ думѣ царской,
«Что коюшій государской
«Басурманинъ, ворожей,
«Чернокнижникъ и злодѣй;
«Что онъ съ бѣсомъ хлѣбъ-солѣ водить
«Въ церковь Божію пе ходить,
«Католицкой держитъ крестъ,
«И постами мясо ѿсть.»

Въ тотъ же вечеръ этотъ Спальникъ,
Прежній конюшихъ начальникъ,
Въ стойлы спрятался тайкомъ,
И обсыпался овсомъ.

Вотъ и полночь наступила,
У него въ груди заныло:
Онъ ни живъ, ни мертвъ лежитъ,
Самъ молитвы все творитъ,
Ждетъ сусѣдки.... Чу! въ самъ дѣль,
Двери глухо заскрыпѣли,

Кони топнули, и вотъ
Входитъ старый коноводъ.
Дверь задвижкой запираетъ,
Шапку бережно скидаетъ,
На окно ее кладеть,
И изъ шапки той береть
Въ три завернутый тряпицы
Царскій кладъ, — перо Жаръ-птицы.
Свѣтъ такой тутъ заблесталъ,
Что чуть Спальщикъ не вскричалъ,
И отъ страху такъ забился,
Что овесъ съ него свалился.
Но сусѣдкѣ не въ домекъ!
Онъ кладеть перо въ сусѣдкъ,
Чистить коней начинаетъ,
Умываетъ, убираетъ,
Гривы длинныя плететь,
Разны пѣсенки поетъ.
А межъ тѣмъ, свернувшись клубомъ,
Покалачивая зубомъ,
Смотритъ Спальщикъ чуть живой.

Что тутъ дѣть домової.
Что за бѣсь! нешто нарочно
Прирядился плутъ полночной;
Нѣтъ роговъ, ни бороды,
Ражій парень, хоть куды!
Волосъ гладкой, съ боку ленты,
На рубашкѣ прозументы,
Сапоги какъ алъ софьянъ,
Ну, точнѣхонько Иванъ.
Что за диво? смотрить снова
Нашъ глазѣй на домоваго....
«Э! такъ вотъ что!» наконецъ
Проворчалъ себѣ хитрецъ:
«Ладно, завтра жъ Царь узнаетъ,
«Что твой глупый умъ скрываетъ.
«Подожди лишь только дня,
«Будешь помнить ты меня!»
А Иванъ, совсѣмъ не зная,
Что ему бѣда такая
Угрожаетъ, все плететь
Гривы въ косы, да поетъ,

А убравъ ихъ, въ оба чана
Нацѣдилъ сыты медвяной,
И насыпалъ до-полнна
Бѣлоярова пшена.

Тутъ, зѣвиувъ, перо Жаръ-птицы
Завернуль опять въ тряпицы
Шапку подъ ухо и легъ
У коней близъ заднихъ ногъ.

Только начало зориться,
Спальникъ началъ шевелиться,
И услыша, что Иванъ
Такъ хранитъ, какъ Ерусланъ,
Онъ тихонько внизъ слѣзаетъ
И къ Ивану подползаетъ,
Пальцы въ шапку запустилъ,
Хватъ перо — и слѣдъ простылъ.

Царь лишь только пробудился
Спальникъ нашъ къ нему явился,
Стукнулъ крѣпко объ поль збомъ,

И запѣлъ Царю потомъ:

«Я съ повинной головою,

«Царь, явился предъ тобою,

«Не вели меня казнить,

«Прикажи мнъ говорить.»

— «Говори, не прибавляя, »

Царь сказалъ ему зѣвая:

«Если жъ ты да будешь врать,

«То кнута не миновать».»

Спальникъ нашъ, собравшись съ силой,

Говоритъ Царю: «Помилуй!

«Вотъ-те истинный Христосъ

«Справедливъ мой, Царь, доносъ:

«Нашъ Иванъ, то всякой знаетъ,

«Отъ тебя, отецъ, скрываетъ,

«Но не золото, не серебро, —

Жароптищево перо...»

— Жароптищево?... Проклятый!

«И онъ смѣлъ такой богатый...»

«Погоди же ты, злодѣй!

«Не минуешь ты плетей!... »

— «Да и толь еще онъ знаетъ!»

Спальникъ тихо продолжаетъ,

Изогнувшись: «Добро!

«Пусть имѣлъ бы онъ перо;

«До и самую Жаръ-тицу,

«Во твою, отецъ, свѣтлицу,

«Коль приказъ изволишь дать,

«Похваляется достать.»

И доносчикъ съ этимъ словомъ

Скрючясь обручемъ таловымъ,

Ко кровати подошелъ,

Подалъ кладъ — и снова въ поль-

Царь смотрѣлъ и дивовался,

Гладилъ бороду, смѣялся,

И скусилъ пера конецъ,

Туть, уклавъ его въ ларецъ,

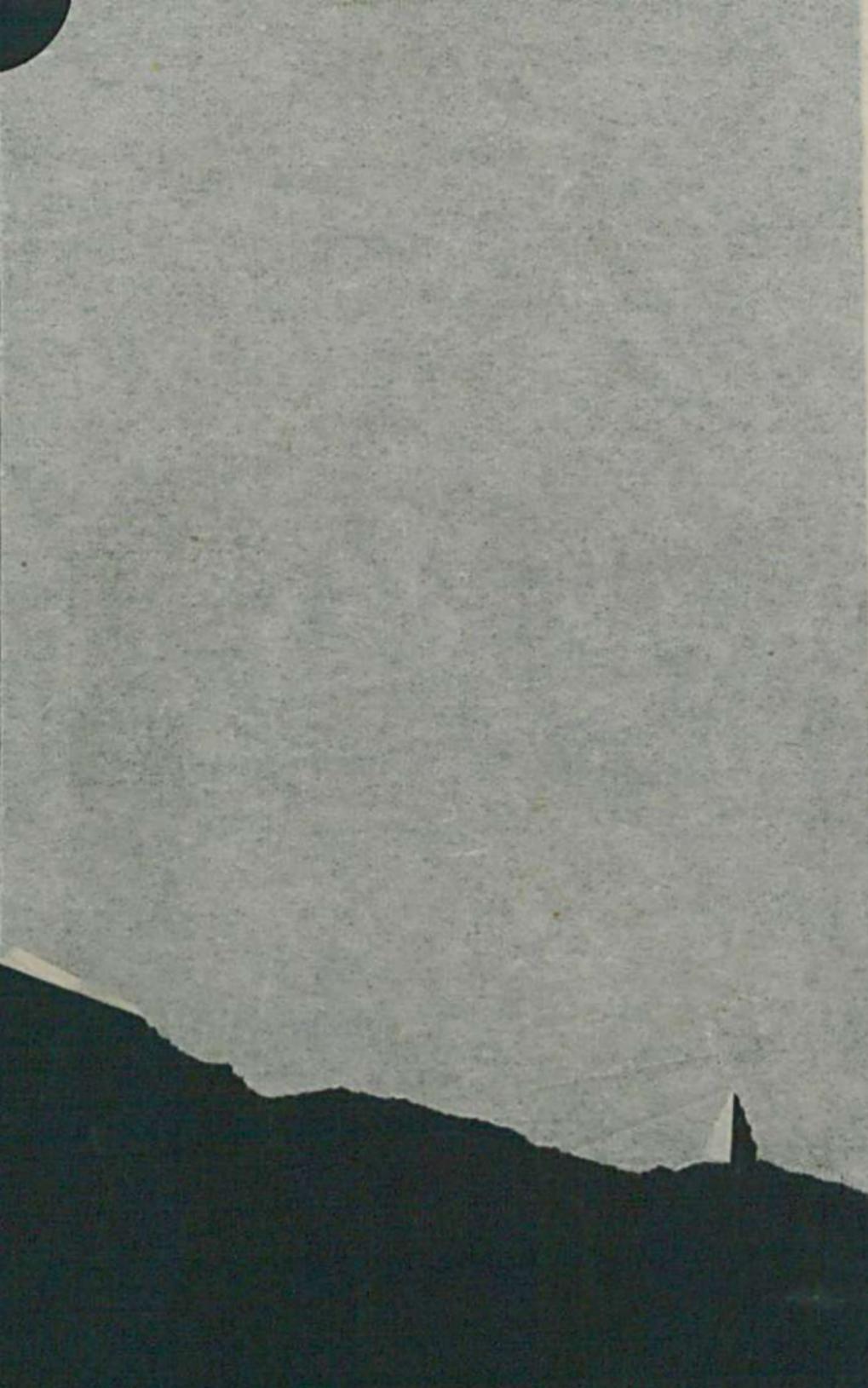
Закричалъ (отъ нетерпѣнья),

Подтвердивъ свое величье

Быстрымъ взмахомъ кулака:

«Гей! позвать мнѣ дурака!»







Грав. на дер. Л. Съряковъ.

Печ. Э. Шефферъ.

И посыльные дворяна
Побежали по Ивана,
Но, столкнувшись все въ углу,
Растянулись на полу.
Царь тѣмъ много любовался,
И до колотья смѣялся.
А дворяна, усмотря,
Что смѣшно то для Царя,
Межъ собой перемигнулись,
И въ другоредь растянулись.
Царь тѣмъ такъ доволенъ былъ,
Что ихъ шапкой наградилъ.
Тутъ посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана,
И на этотъ уже разъ
Обошлися безъ проказъ.

Вотъ къ конюшнѣ прибѣгаютъ,
Двери настежъ отворяютъ,
И ногами дурака
Ну толкать во все бока.

Съ полчаса надъ нимъ возились,
Но его не добудились,
Наконецъ ужъ рядовой
Разбудилъ его метлой.

«Что за челядь тутъ такая?»
Говорить Иванъ, вставая:
«Какъ хвачу я васъ бичемъ,
«Такъ не станете потомъ
«Безъ пути будить Ивана».—
Говорять ему дворяна:
«Царь изволилъ приказать
«Намъ тебя къ нему позвать.»
— «Царь?... Ну ладно! Вотъ сряжуся
«И тотчасъ къ нему явлюся,»
Говорить посламъ Иванъ.
Тутъ надѣль онъ свой кафтанъ,
Опояской подвязался,
Пріумылся, причесался,
Кнутъ свой съ боку прицѣпилъ,
Словно утица поплылъ.

Вотъ Иванъ къ Царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнулъ дважды и спросилъ :
«А пошто меня будиль?»
Царь, прищурясь глазомъ лѣвымъ,
Закричалъ къ нему со гиѣвомъ,
Приподнявшись: «Молчать !
«Ты мнѣ долженъ отвѣтить—
«Въ силу коего указа
«Скрылъ отъ нашего ты глаза
«Наше царское добро—
«Жароптицево перо?
«Что я—Царь, али бояринъ?
«Отвѣтай сейчасъ, татаринъ! »
Тутъ Иванъ, махнувъ рукой,
Говорить Царю: «Постой!
«Я те шапки ровно не даль,
«Какъ же ты о томъ провѣдалъ?
«Что ты—ажно ты пророкъ?
«Ну, да что, сади въ острогъ,
«Прикажи сейчасъ хоть въ палки,—

«Нѣтъ пера да и шабалки?»

— «Отвѣчай же! запорю!....» —

«Я те толкомъ говорю:

«Нѣтъ пера! да слыши, откуда

«Миѣ достать такое чудо?»

Царь съ кровати тутъ вскочилъ

И ларецъ съ перомъ открылъ.

«Что? ты смѣлъ еще переться?»

«Да ужъ пѣть, не отвертѣться!

«Это что? а?» — Тутъ Иванъ,

Задрожавъ какъ листъ въ буранъ,

Шапку выронилъ съ испуга.

«Что пріятель, видно туго?»

Молвилъ Царь: «постой-ка братъ!...»

— «Охъ, помилуй, виноватъ!»

«Отпусти вину Ивану,

«Я впередъ ужъ врать не стану».

И, закутавшись въ полу,

Растянулся на полу.

— «Ну, для первого слушаю,

«Я вину тебѣ прощаю.»

Царь Ивану говоритъ:
«Я, помилуй Богъ, сердитъ!
И съ сердцевъ иной порою
Чубъ сниму и съ головою.
Такъ вотъ, видиши, я каковъ!
Но сказать безъ дальнихъ словъ,
Я узналъ, что ты Жаръ-птицу
Въ нашу царскую свѣтлицу,
Если бъ вздумалъ приказать
Похваляешься достать.
Ну, смотри жъ не отпирайся,
И достать ее старайся.»
Тутъ Иванъ волчкомъ вскоцилъ.
«Я того не говорилъ!»
Закричалъ онъ, утираясь:
«О перѣ не запираюсь,
Но о птицѣ, какъ ты хощь,
Ты напраслину ведешь.»
Царь, затрясши бородою—
«Что? рядиться мнѣ съ тобою!»
Закричалъ онъ: «Но смотри,

«Если ты недѣли въ три
«Не достанешь мнѣ Жарь-птицу
«Въ пашу царскую сѣятлицу,
«То клянуся бородой!
«Ты поплатишься со мной:
«На правежъ—въ рѣшетку—на колъ!
«Вонъ, холопъ!» — Иванъ заплакалъ
И пошелъ на сѣноваль,
Гдѣ конекъ его лежалъ.

Горбунокъ, его почуя,
Дрягнуль было плясовую;
Но какъ слезы увидалъ,
Самъ чуть-чуть не зарыдалъ.
«Что, Иванушка, не весель?»
«Что головушку повѣсишь?»
Говорилъ ему конекъ,
У его вертяся ногъ.
«Не утайся предо мною,
Все скажи, что за душою,
Я помочь тебѣ готовъ.

«Аль, мой милый, нездаровъ ? »

«Аль попался къ лиходѣю ? »

Паль Иванъ къ коньку на шею,

Обнималъ и цѣловалъ.

«Охъ, бѣда, конекъ ! » сказалъ :

«Царь велитъ достать Жарь-птицу

«Въ государскую свѣтлицу.

«Что мнѣ дѣлать, горбунокъ ? »

Говорить ему конекъ :

«Велика бѣда, не спорю ;

«Но могу помочь я горю.

«Отъ того бѣда твоя,

«Что не слушался меня ;

«Помнишь, ѿхавъ въ градъ-столицу

«Ты нашелъ перо Жарь-птицы ;

«Я сказалъ тебѣ тогда :

«Не бери, Иванъ, — бѣда !

«Много, много непокою

«Принесетъ оно съ собою.

«Вотъ теперь ты узналъ —

«Правду ль я тебѣ сказалъ.

«Но сказать тебѣ по дружбѣ,
«Это службишка, не служба ;
«Служба все, братъ, впереди,
«Ты къ Царю теперь поди
«И скажи ему открыто :
— Надо, Царь, мнѣ два корыта
Бѣлоярова ишена,
«Да заморскаго вина ;
«Да вели поторопиться :
«Завтра только зазориться,
«Мы отправимся въ походъ. »

Вотъ Иванъ къ Царю идетъ,
Говорить ему открыто :
«Надо, Царь, мнѣ два корыта
Бѣлоярова ишена,
«Да заморскаго вина.
«Да вели поторопиться :
«Завтра только зазорится,
«Мы отправимся въ походъ. »
Царь тотчасъ приказъ даетъ,

Чтобъ посыльные дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцомъ его назвалъ
И—«счастливый путь ! » сказалъ.

На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ конекъ Ивана.
«Гей ! хозяинъ ! полно спать !
«Время дѣло исправлять ! »
Вотъ Иванушка поднялся,
Въ путь-дорожку собирался,
Взялъ корыта и шено
И заморское вино ;
Потешлѣе пріодѣлся,
На юнькѣ своемъ усѣлся,
Вынулъ хлѣба ломотокъ,
И побѣхъ на Востокъ—
Доставать тое Жаръ-птицу.

Ѣдуть цѣлую седьмицу.
Напослѣдокъ, въ день осмой,

Пріѣзжаютъ въ лѣсъ густой.
Тутъ сказаль конекъ Ивану ;
« Ты увидишь здѣсь поляну ;
« На полянѣ той гора
« Вся изъ чистаго сребра ;
» Вотъ сюда-то до зарницы
« Прилетаютъ Жары-птицы
« Изъ ручья воды испить ;
« Тутъ и будемъ ихъ ловить. »
И, окончивъ рѣчъ къ Ивану,
Выбѣгаеть на поляну.
Что за поле ! зелень тутъ
Словно камень-изумрудъ ;
Вѣтерокъ надъ нею вѣтъ,
Такъ вотъ искорки и сѣть ;
А по зелени цвѣты
Несказанной красоты.
А на той ли на полянѣ,
Словно валъ на океанѣ,
Возвышается гора
Вся изъ чистаго сребра.

Солнце лѣтними лучами
Красить всю ее зарями,
Въ згибахъ золотомъ бѣжитъ,
На верхахъ сѣйчай горить.

Вотъ конекъ по косогору
Поднялся на эту гору,
Версту, другую пробѣжалъ,
Устоялся и сказалъ :
« Скоро почь, Иванъ, начнется,
И тебѣ стеречь придется.
Ну, въ корыто лей вино,
И съ виномъ мѣшай пшено.
А чтобы быть тебѣ закрыту,
Ты подъ то подлѣзь корыто,
Втихомолку примѣчай ;
Да смотри же, не зѣвай.
До восхода, слышь, зарницы
Прилетять сюда Жаръ-птицы
И начнутъ пшено клевать,
Да по-своему кричать.

«Ты, которая по ближе,
И схвати ее, смотри же !
А поймаешь птицу-жаръ,
И кричи на весь базарь ;
Я тотчасъ къ тебѣ явлюся.»
— «Ну, а если обожгуся ? »
Говорить коньку Иванъ,
Разстилая свой каftанъ.
«Рукавички взять придется ;
Чай, плутовка больно жгется.»
Тутъ конекъ изъ глазъ исчезъ,
А Иванъ, крехтя, подлѣзъ
Подъ дубовое корыто,
И лежитъ тамъ, какъ убитой.

Вотъ полночию порой
Свѣтъ разлился надъ горої, —
Будто полдни наступаютъ :
Жары-птицы налетаютъ ;
Стали бѣгать и кричать,
И пшено съ виномъ клевать.

Нашъ Иванъ, отъ нихъ закрытой,
Смотрить птицъ изъ-подъ корыта,
И толкуетъ самъ съ собой,
Разводя вотъ какъ рукой :
«Тыфу ты, дьявольская сила !
«Экъ ихъ—дряни привалило !
«Чай, ихъ тутъ десятковъ съ пять..
«Кабы всѣхъ пересматр,—
«То-то было бы поживы !
«Печа молвить, страхъ красивы !
«Ножки красныя у всѣхъ ;
«А хвосты-то—сущій смѣхъ !
«Чай, такихъ у курицъ иѣту ;
«А ужъ сколько, парень, свѣту,
«Словно батюшкина печь ! »
И, скончавъ такую рѣчъ,
Самъ съ собою подъ лазейкой,
Нашъ Иванъ ужомъ да змѣйкой,
Ко пшеницу съ виномъ подползъ,—
Хватъ одну изъ птицъ за хвостъ.
«Ой ! конечникъ-горбуночикъ !

«Прибѣгай скорѣй, дружочикъ !

«Я вѣдь птицу-то поймалъ. »

Такъ Иванъ-дуракъ кричалъ.

Горбунокъ тотчасъ явился.

«Ай, хозяинъ, отличился ! »

Говорить ему конекъ :

«Ну, скорѣй ее въ мѣшокъ !

«Да завязывай тужье ;

«А мѣшокъ привѣсь на шею,

«Надо намъ въ обратный путь.

— «Нѣтъ, дай птицъ-то мнѣ пугнуть ! »

Говорить Иванъ: «Смотри-ка,

«Виши, надѣлися отъ крика ! »

И, схвативши свой мѣшокъ,

Хлещетъ вдоль и поперегъ.

Яркимъ пламенемъ сверкая,

Встрепенулася вся стая,

Кругомъ огненнымъ свилась

И за тучи попеслась.

А Иванъ нашъ въ слѣдъ за ними

Рукавицами своими

Такъ и машетъ и кричитъ,
Словно щелокомъ облить.

Птицы въ тучахъ потерялись ;
Наши путники собрались,
Уложили царскій кладъ,
И вернулися назадъ.

Вотъ прѣхали въ столицу.

«Что, досталь ли ты Жарь-птицу ?»

Царь Ивану говорить,
Самъ на Спальника глядить.

А ужъ тотъ, нешто отъ скуки,
Искусалъ себѣ всѣ руки.

«Разумѣется, досталь,»

Нашъ Иванъ Царю сказалъ. —

«Гдѣ жъ она ?» «Постой немножко,

«Прикажи сперва окошко

«Въ почивальнѣ затворить,

«Знашь, чтобы темень сотворить.»

Тутъ дворяна побѣжали,

И окошко затворяли.

Вотъ Иванъ мѣшокъ на столъ.

«Ну-ка, бабушка, пошелъ! »

Свѣтъ такой тутъ вдругъ разлился,

Что весь людъ рукой закрылся,

Царь кричитъ на весь базаръ :

«Ахти, батюшки, пожаръ !

«Эй, рѣшоточныхъ сзывайте !

«Заливайте ! заливайте ! »

— «Это, слышь ты, не пожаръ,

«Это свѣтъ отъ птицы-жаръ. »

Молвилъ ловчій, (самъ со смѣху

Надрываясь): «потѣху

«Я привезъ те, Осударь ! »—

Говорить Ивану царь :

«Вотъ, люблю дружка-Ванюшу!

«Взвеселилъ мою ты душу,

«И на радости такой—

«Будь же царской Стремянной ! »

Это видя, хитрый Спальникъ,

Прежний копюющихъ начальникъ,

Говоритъ себѣ подъ посѣ :
« Нѣть, постой, молокосось ! »
« Не всегда тебѣ случится
« Такъ канальски отличиться.
« Я те снова подведу,
« Мой дружочекъ, подъ бѣду ! »

Черезъ три потомъ недѣли,
Вечеркомъ одинимъ сидѣли
Въ царской кухнѣ повара
И служители Двора ;
Попивали медъ изъ жбана,
Да читали Еруслана.
« Эхъ ! » одинъ слуга сказалъ,
« Какъ севодніи я досталъ
« Отъ сосѣда чудо-книжку !
« Въ ней страницъ не такъ чтобы слишкомъ,
« Да и сказокъ только пять ;
« А ужъ сказки — вамъ сказать,
« Такъ не можно падивиться ;
« Надо жъ эдакъ умудриться ! »

Тутъ всѣ въ голосъ : « Удружи !
« Разскажи, братъ, разскажи !
— « Ну, какую жъ вы ходите ?
« Пять вѣдь сказокъ ; вотъ смотрите :
« Перва сказка о Бобрѣ ;
« А вторая о Царѣ ;
« Третья.... дай Богъ память.... точно !
« О Боярынѣ восточной ;
« Вотъ въ четвертой ; Князь Бобыль ;
« Въ пятой.... въ пятой.... эхъ, забылъ !
« Въ пятой сказкѣ говорится....
« Такъ въ умѣ вотъ и вертится....»
— « Ну, да брось ее ! » — « Постой ! ...»
« О красоткѣ что ль какой ? »
— « Точно ! Въ пятой говорится
« О прекрасной Царь-дѣвицѣ .
« Ну, которую жъ, друзья,
« Разскажу севоднѣ я ! »
— « Царь-дѣвицу ! » всѣ кричали ;
« О царяхъ мы ужъ слыхали,
« Намъ красотокъ-то скорѣй !

«Ихъ и слушать веселѣй.»
И слуга, усѣвшись важно,
Сталъ разсказывать протяжно :

«У далекихъ Нѣмскихъ странъ
« Есть, ребята, океанъ.
«По тому ли океану
« Бѣдятъ только Бесурманы;
« Съ православной же земли
« Не бывали николи,
« Ни дворяне, ни міряне
« На поганомъ океанѣ.
« Отъ гостей же слухъ идетъ,
« Что дѣвица тамъ живеть ;
« Но дѣвица не простая,
« Дочь, вишь, мѣсяцу родная,
« Да и солнышко ей братъ.
« Та дѣвица, говорять,
« Бѣдитъ въ красномъ полуушубкѣ,
« Въ золотой, ребята, шлюпкѣ,
« И серебрянымъ весломъ

« Самолично править въ немъ ;
« Разны пѣсни попѣваетъ,
« И на гусельцахъ играетъ.... »

Спальникъ тутъ съ палатей скокъ,
И со всѣхъ обѣихъ ногъ
Во дворецъ къ Царю пустился,
И какъ разъ къ нему явился ;
Стукнулъ крѣпко объ полъ лбомъ,
И запѣлъ Царю потомъ :
« Я съ повинной головою,
« Царь, явился предъ тобою,
« Не вели меня казнить,
« Прикажи мнѣ говорить ! »
— « Говори, да правду только
« И не ври, смотри, нисколько ! »
Царь съ кровати закричалъ.
Хитрый Спальникъ отвѣталъ :
« Мы севодни въ кухнѣ были,
« За твое здоровье пили,
« А одинъ изъ дворскихъ слугъ

« Насъ забавилъ сказкой вслухъ ;
« Въ этой сказкѣ говорится
« О прекрасной Царь-дѣвицѣ.
« Вотъ твой царской Стремянной
« Поклялся твоей брадой,
« Что онъ знаетъ эту птицу, —
« Такъ онъ назвалъ Царь-дѣвицу, —
« И ее, изволишь знать,
« Похваляется достать. »
Спальникъ стукнулъ объ полъ снова.
« Гей, позвать мнѣ Стремяниова ! »
Царь посыльнымъ закричалъ.
Спальникъ тутъ за печку сталъ ;
А посыльные дворяна
Побѣжали по Ивана ;
Въ крѣпкомъ сиѣ его пашли,
И въ рубашкѣ привели.

Царь такъ началъ рѣчь : « Послушай,
« На тебя доносъ, Ванюша.
« Говорять, что вотъ сейчасъ,

«Похвалялся ты для насъ

«Отыскать другую птицу ;

«Сирѣчь, молвить, Царь-дѣвицу....»

— «Что ты, что ты, Богъ съ тобою !»

Началь царской Стремянной :

«Чай съ просонковъ, я толкую,

«Шутку выкинуль такую.

«Да хитри себѣ какъ хочь,

«А меня не проведешь.»

Царь, затрясши бородою, —

«Что, рядиться миѣ съ тобою ?»

Закричалъ онъ : «Но смотри,

«Если ты недѣли въ три

«Не достанешь Царь-дѣвицу

«Въ нашу царскую свѣтлицу,

«То, клянуся бородой,

«Ты поплатишься со мной :

«На правежъ, — въ рѣшетку, — на колъ!

«Вонъ холопъ !» Иванъ заплакалъ,

И пошелъ на сѣноваль,

Гдѣ конекъ его лежалъ.

«Что, Иванушка, не весель?
«Что толовушку повесиль?...»
Говорить ему конекъ:
«Аль, мой милый, занемогъ?
«Аль попался къ лиходѣю?»
Паль Иванъ къ коньку на шею,
Обнималъ и цѣловалъ.
«Охъ, бѣда, конекъ!» сказалъ:
«Царь велитъ въ свою свѣтлицу
«Мнѣ достать, слышь, Царь-дѣвицу.
«Что мнѣ дѣлать, Горбунокъ?»
Говорить ему конекъ:
«Велика бѣда, не спорю;
«Но могу помочь я горю.
«Отъ того бѣда твоя,
«Что не слушался меня.
«Но сказать тебѣ по дружбѣ,
«Это службишка, не служба;
«Служба все, братъ, впереди!
«Ты къ Царю теперь поди,
«И скажи: — Вѣдь для поимки,

«Надо, Царь, мнѣ двѣ ширишки,
«Шитой золотомъ шатерь,
«Да обѣденный приборъ —
«Весь заморскаго варенья,
«И сластей для прохлажденья.»

Вотъ Иванъ къ Царю идетъ
И такую рѣчъ ведеть:
«Для царевниной поимки
«Надо, Царь, мнѣ двѣ ширишки ,
«Шитой золотомъ шатерь,
«Да обѣденный приборъ —
«Весь заморскаго варенья,
«И сластей для прохлажденья.»
— «Вотъ давно бы такъ, чѣмъ пѣтъ,»
Царь съ кровати далъ отвѣтъ,
И велѣлъ, чтобы дворяниа
Все сыскали для Ивана,
Молодцомъ его назвалъ,
И—«счастливый путь!» сказалъ.

На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ конекъ Ивана :
« Гей, хозяинъ! полно спать !
« Время дѣло исправлять !»
Вотъ Иванушка поднялся,
Въ путь-дорожку собирался,
Взялъ ширишки и шатель,
Да обѣденный приборъ —
Весь заморскаго варенья,
И сластей для прохладженья;
Все въ мѣшокъ дорожный склаъ,
И веревкой завязалъ.
Потеплѣе пріодѣлся,
На конькѣ своеемъ усѣлся ;
Выпнулъ хлѣба ломотокъ,
И поѣхалъ на востокъ,
По тое-ли Царь-дѣвицу.

Ѣдуть цѣлую седмицу.
Напослѣдокъ, въ день осмой,
Пріѣзжаютъ въ лѣсъ густой.

Туть сказалъ конекъ Ивану :

«Вотъ дорога къ Океану,

«И па немъ-то круглый годъ

«Та красавица живетъ ;

«Два раза она лишь сходитъ

«Съ Океана, и приводить

«Долгій день па землю къ намъ.

«Вотъ увидишъ завтра самъ.»

И, окончивъ рѣчъ къ Ивану,

Выбѣгаеть къ Океану,

На которомъ бѣлый валъ

Одинешенекъ гулялъ.

Туть Иванъ съ копыка слѣзаетъ,

А конекъ ему вѣщаетъ :

«Ну, раскидывай шатеръ,

«На ширинку ставь приборъ

«Изъ заморскаго варенья

«И сластей для прохладженія.

«Самъ ложися за шатромъ.

«Да смекай себѣ умомъ.

«Видишъ, шлюпка воинъ мелькаетъ...»

«То Царевна подплываетъ.

«Пусть въ шатер она войдеть,

«Пусть покушаетъ, попьетъ;

«Вотъ какъ въ гусли запграеть, —

«Знай, ужъ время наступаетъ :

«Ты тотчасъ въ шатель вбѣгай,

«Ту Царевну сохватай,

«И держи ее сильпѣе,

«Да зови меня скорѣе.

«Я на первый твой приказъ

«Прибѣгу къ тебѣ какъ разъ ;

«И поѣдемъ.... Да смотри же,

«ты гляди за ней поближе ;

«Если жъ ты ее проспишь,

«Такъ бѣды не избѣжишь.»

Тутъ конекъ изъ глазъ сокрылся,

За шатель Иванъ забился,

И давай диру вертѣть,

Чтобъ Царевну подсмотрѣть,

Ясный полдень наступаетъ ;

Царь-дѣвица подплываетъ,

Входитъ съ гусями въ шатерь

И садится за приборъ.

«Хмъ! такъ вотъ та Царь-дѣвица!

«Какъ же въ сказкахъ говорится,»

Разсуждаетъ Стремянной:

«Что куда красна собой

«Царь-дѣвица, такъ что диво!

«Эта вовсе не красива:

«И блѣдна-то, и тонка,

«Чай, въ обхватъ-то три вершка;

«А ножонка-то, ножонка!

«Тыфу ты! словно у цыпленка!

«Пусть полюбится кому,

«Я и даромъ не возьму.»

Тутъ Царевна заиграла,

И столь сладко припѣвала,

Что Иванъ, не зная какъ,

Прикорнулся на кулакъ;

И подъ головъ тихой, стройной,

Засыпаетъ преспокойно.

Западъ тихо догоралъ.
Вдругъ конекъ подъ нимъ заржалъ,
И, толкнувъ его копытомъ,
Крикнулъ голосомъ сердитымъ :
« Спи, любезный, до звѣзды !
« Высыпай себѣ бѣды !
« Не меня вѣдь вздернуть на колъ !»
Тутъ Иванушка заплакалъ
И, рыдаючи, просилъ,
Чтобъ конекъ его простилаъ.
« Отпусти вину Ивану,
« Я впредъ ужъ спать не стану.»
— « Ну, ужъ Богъ тебя проститъ !»
Горбунокъ ему кричитъ :
« Все поправимъ, можетъ статься,
« Только чуръ не засыпаться ;
« Завтра, рапо по утру,
« Къ златошвейному шатру
« Приплывѣть опять Дѣвица —
« Меду сладкаго напиться.
« Если жъ снова ты заснешь,

« Головы ужъ не снесешь. »

Тутъ конекъ опять сокрылся;

А Иванъ сбирать пустылся

Острыхъ камней и гвоздей

Отъ разбитыхъ кораблей,

Для того, чтобы уколоться,

Если вновь ему вздремнется.

На другой день, по утру,

Къ златошвейному шатру

Царь-дѣвица подплываетъ,

Шлюпку на берегъ бросаетъ,

Входитъ съ гусями въ шатерь

И садится за приборъ....

Вотъ Царевна запграла,

И столь сладко пропѣвала,

Что Иванушкъ опять

Захотѣлося поспать.

« Нѣтъ, постой же ты, дрянная ! »

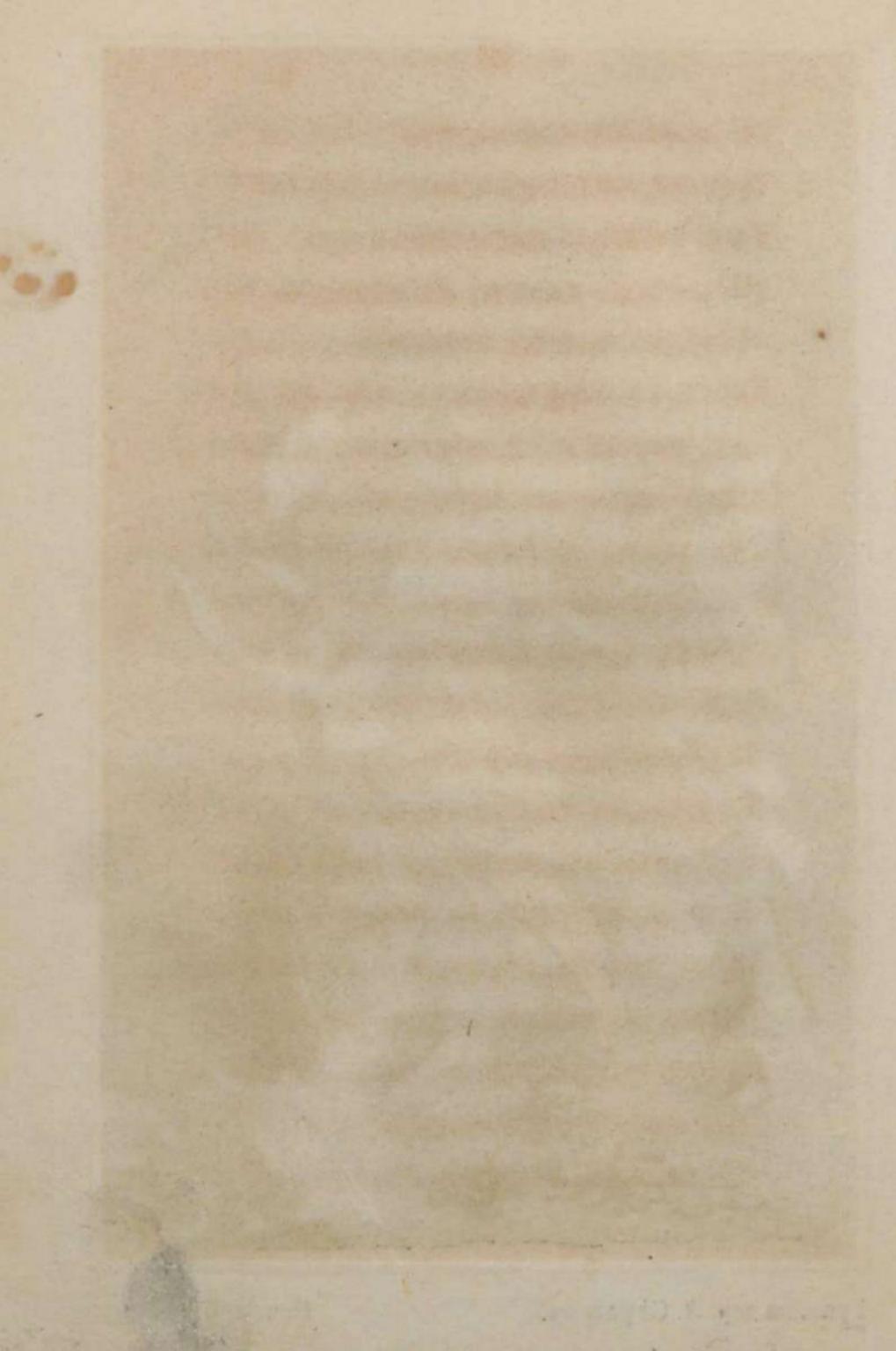
Говорить Иванъ, вставая :

« Ты вдругорядь не уйдешь,



Грав. на дер. Л. Съряковъ.

Печ. Э. Шефферъ.



«И меня не проведешь.»

Тутъ въ шатерь Иванъ вбѣгаєтъ,

Косу длинную хватаетъ...

«Ой, бѣги, копекъ, бѣги !

«Горбунокъ мой, помоги!»

Вмигъ копекъ къ нему явился.

«Ай, хозяинъ, отличился !»

«Ну, садись же поскорѣй,

«Да держи ее плотнѣй !»

Вотъ столицы достигаетъ.

Царь къ Царевиѣ выбѣгаєтъ,

За бѣлы руки беретъ,

Во дворецъ ее ведетъ,

И садитъ за столъ дубовой

И подъ запавѣсь шелковой ;

Въ глазки съ нѣжностью глядить,

Сладки рѣчи говоритьъ :

«Безподобная дѣвица !

«Согласися быть Царица.

«Я тебя едва узрѣлъ, —

« Сильной страстью воскипѣль.

« Соколины твои очи

« Не дадутъ мнѣ спать средь ночи,

« И во время бѣла дня,

« Охъ! измучаютъ меня.

« Молви ласковое слово !

« Все для свадьбы ужъ готово ;

« Завтра жъ утромъ, свѣтликъ мой,

« Обвѣнчаемся съ тобой

« И начнемъ жить припѣвая..»

А Царевна молодая ,

Ничего не говоря,

Отвернулась отъ Царя.

Царь исколько не сердился ,

Но сильней еще влюбился ;

На колѣнъ предъ нею сталъ ,

Ручки нѣжно пожималъ

И балысы началъ снова :

« Молви ласковое слово !

« Чѣмъ тебя я огорчилъ ?

Али тѣмъ , что полюбилъ ?

«О, судьба моя плачевна!»
Говорить ему Царевна:
«Если хочешь взять меня,
«То доставь ты мнъ въ три дня
«Перстень мой изъ Океана.»
—«Гей! позвать ко мнъ Ивана!»
Царь поспѣшио закричалъ,
И чуть самъ не побѣжалъ.

Вотъ Иванъ къ Царю явился.
Царь къ нему оборотился
И сказалъ ему: «Иванъ!»
«Поѣзжай на Океанъ;
«Въ Океанъ томъ хранится
«Перстень, слышь ты, Царь-дѣвицы.
«Коль достанешь мнъ его,
«Задарю тебя всѣго.»
—«Я и съ первой-то дороги
«Волочу насилиу поги;
«Ты опять на Океанъ!»
Говорить Царю Иванъ.

«Какъ же, плутъ, не торопиться :
«Видишь, я хочу жениться !»
Царь со гнѣвомъ закричалъ,
И ногами застучалъ :
«У меня не отпирайся,
«А скорѣе отправляйся!»
Туть Иванъ хотѣлъ идти.
«Эй, послушай! по пути,»
Говорить ему Царица :
«Заѣзжай ты поклониться
«Въ изумрудной теремъ мой,
«Да скажи моей родной :
«Дочь ея узнать желаетъ,
«Для чего она скрываетъ
«По три ночи, по три дня
«Ликъ свой ясный отъ меня?
«И зачѣмъ мой братецъ красный
«Завернулся въ мракъ непастныи,
«И въ туманной вышинѣ
«Не пошлетъ зуча ко мнѣ ?
«Не забудь же!»— «Помнить буду,

«Если только не забуду;

«Да вѣдь надо же узнать —

«Кто те братець, кто те мать,

«Чтобъ въ родиѣ-то намъ не сбиться.»

Говорить ему Царица:

«Мѣсяцъ — мать мнѣ, солнце — братъ.»

— «Да, смотри, въ три дня назадъ!»

Царь-женихъ къ тому прибавилъ.

Тутъ Иванъ Царя оставилъ,

И пошелъ на сѣноваль,

Гдѣ конекъ его лежалъ.

«Что, Иванушка, не весель?»

«Что головушку повѣсили?»

Говорить ему конекъ,—

«Помоги мнѣ, Горбунокъ!»

«Видишь, вздумалъ Царь жениться,

«Знашь, на тоненькой Царицѣ,

«Такъ и шлетъ на Океанъ.»

Говорить коньку Иванъ:

«Дать мнѣ сроку три дня только ;

«Туть попробовать изволь-ка

«Перстень дьявольской достать!

«Да велѣла заѣзжать

«Эта тонкая Царица

«Гдѣ-то въ теремъ поклониться

«Солнцу, мѣсяцу, притомъ

«И спрошать кое обѣ чѣмъ...» —

Туть конекъ: «Сказать по дружбѣ,

«Это службишка не служба ;

«Служба все, братъ, впереди !

«Ты теперя спать поди ;

«А па завтра, утромъ рано,

«Мы поѣдемъ къ Океану.»

На другой день пашъ Иванъ,

Взявъ три луковки въ карманъ,

Потеплѣе пріодѣлся,

На конькѣ своеи усѣлся,

И поѣхалъ въ дальний путь...

Дайте, братцы отдохнуть !

ЧАСТЬ III.

«Доселева Макарь огороды капаль,
«А нынѣче Макарь въ воеводы поцаль.»

Та-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора ;
Вотъ крестьяне ихъ поймали,
Да покрѣпче привязали.—
Сидить воронъ на дубу,
Онъ играетъ во трубу ;
Какъ во трубушку играеть,
Православныхъ потѣшаетъ :
«Эй! послушай, людъ честной !
«Жили-были мужъ съ женой ;
«Мужъ-то примется за шутки,

«А жена за прибаутки,
«И пойдеть у нихъ тутъ пиръ,
«Что на весь крещеный міръ!»
Это присказка ведется,
Сказка послѣе начнется.
Какъ у нашихъ у воротъ
Муха пѣсеньку поетъ :
«Что дадите мнѣ за вѣстку ?
«Бѣть свекровь свою невѣстку :
«Посадила на шестокъ,
«Привязала за шнурокъ,
«Ручки къ ножкамъ притянула,
«Ножку правую разула.
«Не ходи ты по зарямъ !
«Не кажися молодцамъ !»
Эта присказка велася,
Вотъ и сказка началася.

Ну-съ, такъ ѳдетъ нашъ Иванъ
За кольцомъ на Океанъ.
Горбунокъ летитъ, какъ вѣтеръ,

И въ починъ на первый вечеръ
Верстъ сто тысячъ отмахаль,
И нигдѣ не отдыхаль.

Подъѣзжая къ Океану,
Говорить конекъ Ивану :
« Ну, Иванушка, смотри,
« Вотъ минутки черезъ три
« Мы пріѣдемъ на поляну —
« Прямо къ морю-Океану ;
« Поперегъ его лежитъ
« Чудо-юдо рыба-китъ ;
« Десять лѣтъ ужъ онъ страдаетъ,
« А доселева не знаетъ,
« Чѣмъ прощенье получить ;
« Онъ учнетъ тебя просить,
« Чтобъ ты въ солнцевомъ селеньѣ
« Попросилъ ему прощенье ;
« Ты исполнить обѣщай,
« Да, смотри жъ, не забывай !»

Вотъ въѣзжаетъ на поляну
Прямо къ морю-Океану ;
Поперегъ его лежитъ
Чудо-юдо рыба-кить.
Всѣ бока его изрыты,
Частоколы въ ребра вбиты,
На хвостѣ сыръ-борь шумитъ,
На спинѣ село стоитъ :
Мужички на губѣ пашутъ,
Между глазъ мальчишки пляшутъ,
А въ дубравѣ, межъ усовъ,
Ищутъ дѣвушки грибовъ.

Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо рыба-кить
Такъ проѣзжимъ говорить,
Ротъ широкой отворяя,
Тяжко, горько, вздыхая :
« Путь-дорога, господа !
« Вы откуда и куда ? »

— « Мы послы отъ Царь-дѣвицы,
« Бдемъ оба изъ столицы, » и онъ
Говорить киту конекъ :
« Къ солнцу прямо па Востокъ,
« Во хоромы золотые »
— « Такъ нельзя ль, отцы родные,
« Вамъ у Солнышка спросить :
« Долго ль мнѣ въ опалѣ быть;
« И за кои прегрѣшенья
« Я терплю бѣды мученья ? »
— « Ладно, ладно, рыба-китъ ! »
Нашъ Иванъ ему кричитъ.—
« Будь отецъ мнѣ милосердный !
« Виши, какъ мучуся я—бѣдный !
« Десять лѣтъ ужъ тутъ лежу....
« Я и самъ те услужу !... »
Китъ Ивана умоляетъ,
Самъ же горько вздыхаетъ.—
« Ладно, ладно, рыба-китъ ! »
Нашъ Иванъ ему кричитъ.
Тутъ конекъ подъ нимъ забился,

Прыгъ на берегъ, и пустился;
Только видно, какъ песокъ
Вьется вихоремъ у ногъ.

Бдуть близко ли, далеко,
Бдуть низко ли, высоко
И увидѣли ль кого—
Я незнаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дѣло мѣшкотно творится.
Только, братцы, я узналъ
Что конекъ туда вбѣжалъ,
Гдѣ (я слышалъ сторою)
Небо сходится съ землею,
Гдѣ крестьянки ленъ прядутъ,
Прялки на небо кладутъ.

Тутъ Иванъ съ землей простился,
И на небѣ очутился,
И поѣхалъ, будто князь,
Шапка на бокъ, подборясь.
«Эко диво! эко диво!

« Наше царство хоть красиво, »
Говорить коньку Иванъ
Средъ лазоревыхъ полянъ :
« А какъ съ небомъ-то сравнится,
« Такъ подъ стельку не годится.
« Что земля-то !... вѣдь она
» И черна-то и грязна ;
« Здѣсь земля-то голубая,
« А ужъ свѣтлая какая !...
« Посмотри-ка, Горбунокъ,
« Видишь, воинъ-гдѣ, на Востокъ,
« Словно свѣтится зарница...
« Чай, небесная свѣтлица...
« Что-то больно высока ! »
Такъ спросилъ Иванъ конька.
— « Это теремъ Царь-дѣвицы,
« Нашей будущей Царицы, »
Горбунокъ ему кричитъ :
« По почамъ здѣсь солнце спить,
« А полуденной порою
« Мѣсяцъ входитъ для покою. »

Подъѣзжаютъ ; у воротъ
Изъ столбовъ хрустальный сводъ ;
Всѣ столбы тѣ завитые
Хитро въ змѣйки золотые ;
На верхушкахъ три звѣзды,
Вокругъ терема сады ;
На сѣребряныхъ тамъ веткахъ,
Въ раззолоченныхъ во клѣткахъ
Птицы райскія живутъ,
Пѣсни царскія поютъ.
А вѣдь теремъ съ теремами,
Будто городъ съ деревнями ;
А на теремѣ изъ звѣздъ—
Православный Русскій крестъ.

Вотъ конекъ во дворъ въѣзжаетъ ;
Нашъ Иванъ съ него слѣзаетъ,
Въ теремъ къ Мѣсяцу идетъ
И такую рѣчъ ведетъ :
« Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцовицъ !
« Я—Иванушка Петровицъ,







Грав. на дер. Л. Сѣряковъ.

Печ. Э. Шефферъ.

«И зъ далекихъ я сторонъ
«И привезъ тебѣ поклонъ.»
— «Сядь, Иванушка Петровичъ!»
Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ;
«И повѣдай мнѣ вину
«Въ нашу свѣтлую страну
«Твоего съ земли прихода;
«Изъ какого ты народа,
«Какъ попалъ ты въ этотъ край,—
«Все скажи мнѣ, не утай.»
— «Я съ земли пришелъ Землянкой
«Изъ страны вѣдь Христіанской,»
Говорить, садясь Иванъ:
«Переѣхалъ Океанъ
«Съ порученьемъ отъ Царицы —
«Въ свѣтлой теремъ поклониться,
«И сказать вотъ такъ, постой!
«Ты скажи моей родной:
«Дочь ея узнать желаетъ,
«Для чего она скрываетъ
«По три ночи, по три дня,

«Ликъ какой-то отъ меня ;
«И зачѣмъ мой братецъ красной
«Завернулся въ мракъ ненастной,
«И въ туманной вышинѣ
«Не пошлетъ луча ко мнѣ ?
«Такъ, кажися ? — Мастерица
«Говорить красно Царица ;
«Не припомнишь все сполна,
«Что сказала мнѣ она. »
— «А какая то Царица ? » —
«Это, знаешь, Царь-дѣвица. »
— «Царь-дѣвица ?... Такъ она
«Что ль тобої увезена ? »
Вскрикнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцовицъ.
А Иванушка Петровичъ
Говорить : «Извѣстно, мной !
«Вишь, я царской стремянной ;
«Ну, такъ Царь меня отправилъ,
«Чтобы я ее доставилъ
«Въ три недѣли въ дворецъ ;
«А не то, меня, отецъ,

«Посадить грозился на колъ.»

Мѣсяцъ съ радости заплакаль,

Ну Ивана обнимать,

Цѣловать и миловать.

«Ахъ, Иваушка Петровичъ!»

«Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ:

«Ты принесъ такую вѣсть,

«Что не знаю чѣмъ и счасть!»

«А ужъ мы какъ горевали,

«Что Царевну потеряли!...

«Отъ того-то, видишь, я

«По три ночи, по три дня

«Въ темпомъ облакъ ходила,

«Все грустила, да грустила,

«Тroe сутокъ не спала,

«Крошки хлѣба не брала,

«Отъ того-то сынъ мой красный

«Завернулся въ мракъ ненастый,

«Лучъ свой жаркій погасиль,

«Миру Божью не свѣтиль:

«Все грустиль, вишь, по сестрицѣ,

«Той ли красной Царь-дѣвицѣ.

«Что, здорова ли она?

«Не грустна ли, не больна?»

— «Всѣмъ бы, кажется, красотка,

«Да у неё, кажется, сухотка:

«Ну, какъ спичка, слышь, тонка,

«Чай въ обхватъ-то три вершка;

«Вотъ какъ замужъ-то поспѣетъ,

«Такъ небось и потолстѣеть:

«Царь, слышь, женится на неё.»

Мѣсяцъ вскрикинулъ! «Ахъ, злодѣй!

«Вздумалъ въ семьдесятъ жениться

«На молоденькой дѣвицѣ!»

«Да стою я крѣпко въ томъ,

«Просидѣть опѣ женихомъ!»

«Виши, что старый хрѣпъ затѣялъ:

«Хочеть жать тамъ, гдѣ по сѣяль!

«Полно, лакомъ больно сталъ!»

Туть Иванъ опять сказалъ:

» Есть еще къ тебѣ прошенье,

«То о китовомъ прощеніѣ...:

« Есть, виши, море; чудо-кинь
« Поперегъ его лежить;
« Всъ бока его изрыты,
« Частоколы въ ребра вбиты....
« Онъ, бѣднякъ, меня прошаль
« Чтобы я тебя спрошаль:
« Скоро лѣ кончится мученье ?
« Чѣмъ сыскать ему прощенье ?
« И на что онъ тутъ лежить ?»—
Мѣсяцъ яспой говоритъ :
« Онъ за то песетъ мученье,
« Что, безъ Божія величья,
« Проглотилъ среди морей
« Три десятка кораблей.
« Если дастъ онъ имъ свободу,
« Сниметъ Богъ съ него невзгоду,
« Вмигъ всъ раны заживитъ,
« Долгимъ вѣкомъ наградитъ.»

Тутъ Иванушка поднялся,
Съ свѣтлымъ Мѣсяцомъ прощался

Крѣпко шею обнималъ,
Трижды въ щеки цѣловалъ.
«Ну, Иванушка Петрович!»
Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ :
«Благодарствую тебя
«За сынка и за себя.
«Отнеси благословеніе
«Нашей дочкѣ въ утѣшенье,
«И скажи москѣ родной :
— «Мать твоя всегда съ тобой ;
«Нолно плакать и крушиться ;
«Скоро грусть твоя рѣшился,—
«И не старой, съ бородой,
«А красавецъ молодой
«Поведѣть тебя къ палою.—
«Ну, прощай же! Богъ съ тобою!»
Поклонившись, какъ умѣль,
На колька Иванъ тутъ сѣль,
Свиснулъ, будто витязь знатной,
И пустился въ путь обратной.

На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришелъ на Океанъ.
Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучить копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ, вздохнувши, говорить :
« Что, отцы, мое прошенье ?
« Получу-ль когда прощенье ?»
— « Погоди ты, рыба китъ !»
Тутъ конекъ ему кричитъ.

Вотъ въ село опь прибѣгаешьъ,
Мужиковъ себѣ сзываєшъ,
Черной гривкою трясется,
И такую рѣчь ведетъ :
« Эй, послушайте, міряне,
« Православны Христіане !
« Коль не хочетъ кто изъ васъ
« Къ водяному сѣсть въ приказъ,
« Убрайся вмигъ отсюда.
« Здѣсь тотчасъ случится чудо :

«Море спльпо закипитъ,

«Повернется рыба-китъ....»

Тутъ крестьяне и міряне,

Православны Христіане,

Закричали: «Быть бѣдамъ!»

И пустились по домамъ.

Всѣ телеги собирали ;

Въ нихъ, не мѣшкая, поклали

Все, что было живота, —

И оставили кита.

Утро съ полднемъ повстрѣчалось,

А въ селѣ ужъ не осталось

Ни одной души живой,

Словно шель Мамай войной !

Тутъ конекъ на хвостъ вѣгаєтъ,

Къ перьямъ близко прилегаетъ,

И что мочи есть кричить :

«Чудо-юдо рыба-китъ !

«Отъ того твои мученья,

«Что, безъ Божія велѣнья,

«Проглотилъ ты средь морей
«Три десятка кораблей,
«Если дашь ты имъ свободу,
«Сииметь Богъ съ тебя невзгоду,
«Вмигъ всѣ раны заживитъ,
«Долгимъ вѣкомъ наградить.»
И, окончивъ рѣчь такую,
Закусилъ узду стальную,
Попатужился—и въ мигъ
На далекій берегъ прыгъ.

Чудо-китъ зашевелился,
Словно холмъ поворотился,
Началъ море волновать
И изъ челюстей бросать
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами.

Тутъ поднялся шумъ такой,
Что проснулся Царь морской:
Въ пушки мѣдные палили,

Въ трубы кованы трубили;
Бѣлой парусъ поднялся,
Флагъ на мачтѣ развился,
Попъ съ причетомъ всѣмъ служебнымъ
Пѣль на палубѣ молебны;
А гребцовъ веселый рядъ
Грянула пѣсни на подхватъ:
«Какъ по моречку по морю,
«По широкому раздолю,
«Что по самой край земли,
«Выѣгаютъ корабли....»

Волны моря заклубились,
Корабли изъ глазъ скрылись,
Чудо-юдо рыба-китъ
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Ротъ широкой отворяя,
Плесомъ волны разбивая:
«Чѣмъ вамъ, други, услугить ?
«Чѣмъ за службу наградить ?
«Надо ль раковинъ цвѣгистыхъ ?

«Надо ль рыбокъ золотистыхъ ?

«Надо ль крупныхъ жемчуговъ ?

«Все достать для васъ готовъ !»

— «Нѣтъ, китъ-рыба, памъ въ награду

«Ничего того не надо,»

Говорить ему Иванъ :

«Лучше перстень памъ достань, —

«Перстень, знаешь, Царь-дѣвицы,

«Нашей будущей Царицы.»

— «Ладно, ладно ! для дружка

«И сережку изъ ушка !

«Отыщу я до зарницы

«Перстень красной Царь-дѣвицы,»

Китъ Ивану отвѣчалъ,

И, какъ блють, на дно упалъ.

Вотъ опь плесомъ ударяетъ,

Громкимъ голосомъ сзываеть

Осетринной весь пародъ,

И такую рѣчь ведеть :

«Вы достаньте до зарницы

Перстень красной Царь-девицы,
« Скрытый въ ящичкѣ на днѣ.
« Кто его доставить мнѣ,
« Награжу того я чиномъ :
« Будетъ Думнымъ Дворяниномъ.
« Если жъ умпой мой приказъ
« Не исполните.... я васть ! »
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.

Черезъ пѣсколько часовъ,
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли,
И смиренно говорили :
« Царь великий ! не гибнись !
« Мы все море ужъ, кажись,
« Исходили и изрыли,
« Но и знаку не открыли.
« Только срѣхъ одинъ изъ насъ
« Совершилъ бы твой приказъ ;
« Онъ по всемъ морямъ гуляетъ ,

« Такъ ужъ вѣрно перстень знаеть ;
« Но его, какъ бы на зло,
« Ужъ куда-то унесло. »
— « Отыскать его въ минуту,
« И послать въ мою каюту ! »
Китъ сердито закричалъ,
И усами закачалъ.

Осетры тутъ поклонились,
Въ Земскій Судъ бѣжать пустились,
И велѣли въ тотъ же часъ
Отъ кита писать указъ,
Чтобъ гонцевъ скорѣй послали
И ерша того поймали.
Лещь, услыша сей приказъ,
Имянной писалъ указъ ;
Сомъ (Совѣтникомъ онъ звался)
Подъ указомъ подписался ;
Черный ракъ указъ сложилъ,
И печати приложилъ.
Двухъ дельфиновъ тутъ призвали

И, отдавъ указъ, сказали,
Чтобъ, отъ имени Царя,
Обѣжали всѣ моря,
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забіяку,
Гдѣ бы ни было нашли,
Къ Государю привели.
Тутъ дельфины поклонились,
И ерша искать пустились.

Ищутъ часть они въ моряхъ,
Ищутъ часть они въ рѣкахъ,
Всѣ озера исходили,
Всѣ проливы переплыли,
Не могли ерша сыскать, —
И вернулся назадъ,
Чуть не плача отъ печали....

Вдругъ дельфины услыхали,
Гдѣ-то въ маленькомъ прудѣ,
Крикъ неслыханной въ водѣ.



Грав. на дер. Л. Сърковъ.

Печ. Э. Шефферъ





Въ прудъ дельфины завернули,

И на дно его нырнули, —

Глядь : въ прудъ подъ камышемъ,

Ершь дерется съ карасемъ.

« Смирно ! чертй бъ васъ побрали !

« Вишь, содомъ какой подняли,

« Словно важные бойцы ! »

Закричали имъ гонцы.

— « Ну, а вамъ какое дѣло ? »

Ершь кричитъ дельфинамъ смѣло :

« Я шутить вѣдь не люблю,

« Разомъ всѣхъ переколю ! »

— « Охъ, ты, вѣчная гуляка,

« И крикунъ и забіяка !

« Все бы, дрянь, тебѣ гулять,

« Все бы драться, да кричать;

« Дома — пѣтъ, вѣдь, не сидится !...

« Ну, да что съ тобою рядиться,—

« Вотъ тебѣ царевъ указъ,

« Чтобъ ты плылъ къ нему тотчасъ. »

Тутъ проказника дельфины
По ~~д~~вятили за щетины,
И отправились назадъ.
Ершъ и рваться и кричать:
« Будьте милостивы, братцы!
« Дайте чуточку подраться.
« Распроклятой тотъ карась
« Поносилъ меня вчерась,
« При честномъ при всемъ собраны
« Неподобной разной бранью....»
Долго ершъ еще кричалъ,
Наконецъ и замолчалъ ;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились предъ Царя.

« Что ты долго не являлся ?
« Гдѣ ты, вражий сынъ, шатался ? »
Китъ со гибвомъ закричалъ.
На колѣни ершъ упалъ,

И, признавшись въ приступленьи,

Опъ молился о прощеньи.

« Ну, ужъ Богъ тебя простить ! »

Китъ державной говорить :

« Но за то твое прощенье

« Ты исполни повелѣнье. »

— « Радъ стараться, чудо-китъ ! »

На колѣняхъ ершъ пищитъ.

« Ты по всѣмъ морямъ гуляешь,

« Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаешь

« Царь-дѣвицы ? » — « Какъ не знать !

« Можемъ разомъ отыскать. »

— « Такъ ступай же поскорѣе,

« Да сышти его живѣе ! »

Тутъ, отдавъ Царю поклонъ,

Ершъ пошелъ согнувшись, вопъ.

Съ царской дворцей побрапился,

За плотвой поволочился,

И салакушкамъ шести

Носъ разбилъ опъ на пути.

Совершивъ такое дѣло,
Въ омутъ кинулся опь смыло,
И въ подводной глубинѣ
Вырылъ ящичекъ на днѣ —
Пудъ по крайней мѣрѣ во сто.
«О, здѣсь дѣло-то не проесто !»
И давай изъ всѣхъ морей
Ершъ скликать къ себѣ сельдей.

Сельди духомъ собралися,
Сундучекъ тащить взялися,
Только слышно и всего —
У-у-у ! да о-о-о !
Но сколь сильно не кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятой сундучекъ
Не дался и на вершокъ.
«Настоящія селедки !
«Вамъ кнута бы вместо водки !»
Крикнулъ ершъ со всѣхъ сердцовъ,
И нырнулъ по осетровъ.

Осетры тутъ приплывають
И безъ крика подымають
Крѣпко ввязнувшій въ песокъ
Съ перстнемъ красный сундучекъ.
«Ну, ребятушки, смотрите,
«Вы къ Царю теперь плывите,
«Я жъ пойду теперь ко дну,
«Да немножко отдохну :
«Что-то сонъ одолѣваетъ,
«Такъ глаза вотъ и смыкаеть....»
Осетры къ Царю плывутъ.
Ершъ-гуляка прямо въ прудъ
(Изъ котораго дельфины
Утащили за щетины),
Чай додраться съ карасемъ,
Я не вѣдаю о томъ.
Но теперь мы съ нимъ простимся,
И къ Ивану возвратимся.

Тихо море Океанъ.
На пескѣ спитъ Иванъ,

Ждетъ кита изъ синя моря,
И мурлыкаеть отъ горя ;
Повалившись на песокъ,
Дремлетъ вѣрный Горбунокъ.
Время къ вечеру клонилось ;
Вотъ ужъ солнышко спустилось ;
Тихимъ пламенемъ горя,
Развернулася заря.
А кита не тутъ-то было.
«Чтобъ те, вора, задавило !
«Вишь, какой морской шайтанъ !»
Говорить себѣ Иванъ :
«Обѣщался до зарницы
«Вынести перстень Царь-дѣвицы,
«А доселѣ не сыскаль,
«Окаянный зубоскалъ !
«А ужъ солнышко-то сѣло,
«И....» Тутъ море закинѣло :
Появился чудо-китъ
И къ Ивану говорить :
«За твое благодѣянье ,

« Я исполнилъ обѣщанье. »
Съ этимъ словомъ сундучекъ
Брякнулъ плотно на песокъ,
Только берегъ закачался.
« Ну, теперь я расквитался.
« Если жъ вновь принужусь я,
« Позови опять меня ;
« Твоего благодѣяния
« Не забыть мнѣ.... До свиданья ! »
Тутъ китъ-чудо замолчалъ,
И, всплеснувъ, на дно упалъ.

Горбунокъ-конекъ проснулся,
Всталъ на лапки, отряхнулся,
На Иванушку взглянулъ,
И четырежды прыгнулъ.
« Ай-да Китъ-Китовичъ ! славно ;
« Долгъ свой выплатилъ исправно !
« Ну, спасибо, рыба-китъ ! »
Горбунокъ-конекъ кричитъ.
« Что жъ, хозяинъ, одѣвайся,

« Въ путь-дорожку отправляйся ;

« Три денька вѣдь ужъ прошло :

« Завтра срочное число ;

« Чай, стариkъ ужъ умираеть. »

Тутъ Ванюша отвѣчаетъ :

« Радъ бы радостью поднять ;

« Да вѣдь силы не занять !

« Сундучишко болыно плотень,

« Чай, чертей въ него пять сотенъ

« Китъ проклятой насажалъ.

« Я ужъ трижды подымалъ ;

« Тяжесть страшная такая ! »

Тутъ конекъ, не отвѣчая,

Поднялъ ящичкъ ногой,

Будто камышекъ какой,

И взмахнулъ къ себѣ пашею .

« Ну, Иванъ, садись скорѣе !

« Помни, завтра минетъ срокъ,

« А обратный путь далекъ. »

Сталъ четвертый день зориться,

Нашъ Иванъ уже въ столицѣ.

Царь съ крыльца къ нему бѣжитъ —
« Что кольцо мое? » кричитъ.

Тутъ Иванъ съ конька слѣзаетъ,
И преважно отвѣчаетъ :
« Вотъ тебѣ и сундучекъ !

« Да вели-ка скликать полкъ :

« Сундучишко малъ хоть павидъ,
« Да и дьявола задавить. »

Царь тотчасъ стрѣльцовъ позвалъ
И, не медля, приказалъ
Сундучекъ отнести въ свѣтлицу.
Самъ пошелъ по Царь-дѣвицу.

« Перстень твой, душа, найденъ, »
Сладкогласно молвилъ онъ :
« И теперь примолвить снова,

« Нѣтъ припятства никакого.
« Завтра утромъ, свѣтикъ мой,

« Обѣйчатся мнѣ съ тобой.

« Но не хочешь ли, дружочикъ,
« Свой увидѣть перстенечикъ ?

«Онъ въ дворцѣ моемъ лежитъ.»
Царь-дѣвица говорить:
«Знаю, знаю! Но признаться,
«Намъ нельзя еще вѣнчаться.»
— «Отъ чего же, свѣтикъ мой?
«Я люблю тебя душой;
«Миѣ, прости ты мою смѣлость.
«Страхъ жениться захотѣлось.
«Если жь ты... то я умру
«Завтра жь съ горя по утру.
«Сжалася, матушка Царица!»
Говорить ему дѣвица:
«Но взгляни-ка, ты вѣдь сѣдъ;
«Миѣ пятиадцать только лѣтъ;
«Какъ же можно намъ вѣнчаться?
«Всѣ цари начнутъ смеяться.
«Дѣдъ-то, скажутъ, внуку взялъ!»
Царь со гневомъ закричалъ:
«Пусть-ка только засмѣются —
«У меня какъ разъ свернется:
«Всѣ ихъ царства полоню!»

«Весь ихъ родъ искореню!»

— «Пусть не станутъ и смеяться,

«Все не можно намъ винчаться, —

«Не ростутъ зимой цветы :

«Я красавица, а ты ?...

«Чемъ ты можешь похвалиться?

Говорить ему девица. —

«Я хоть старъ, да я удалъ !»

Царь Царицъ отвѣчалъ :

«Какъ немножко приберуся,

«Хоть кому, такъ покажуся

«Разудалымъ молодцомъ.

«Ну, да что намъ нужды въ томъ ?

«Лишь бы только намъ жениться. »

Говорить ему девица :

«А такая въ томъ нужда,

«Что не выйду никогда

«За дурнаго, за сѣдаго,

«За беззубаго такого !»

Царь въ затылкъ почесаль,

И нахмуряся, сказалъ :

«Что жъ мнѣ дѣлать-то Царица ?
«Страхъ, какъ хочется жениться ;
«Ты же, ровно на бѣду :
«Не пойду, да не пойду ! »
—«Не пойду я за сѣдова, »
Царь-дѣвица молвить снова :
«Стань, какъ прежде, молодецъ. »
«Я тотчасъ же подъ вѣнецъ. »
—«Вспомни, матушка Царица,
«Вѣдь нельзя переродиться ;
«Чудо Богъ одинъ творить. »
Царь-дѣвица говоритъ :
«Коль себя не пожалѣешь.
«Ты опять помолодѣешь.
«Слушай, завтра на зарѣ,
«На широкомъ на дворѣ,
«Долженъ челядь ты заставить
«Три котла большихъ поставить,
«И костры подъ нихъ сложить.
«Первой надобно налить
«До краевъ—водой студеной,

«А второй—водой вареною,
«А послѣдній—молокомъ,
«Вскипятя его ключемъ.
«Вотъ, коль хочешь ты жениться,
«И красавцемъ учиниться,—
«Ты, безъ платья, налегкѣ,
«Искутайся въ молокѣ;
«Тутъ побудь въ водѣ вареною,
«А потомъ еще въ студеной.
«И скажу тебѣ, отецъ,
«Будешь знатной молодецъ!»

Царь не вымолвилъ ни слова,
Кликиулъ тотчасъ Стремяннова.
«Что опять па Океанъ?»
Говорить Царю Иванъ.
«Нѣть, ужъ дутки, ваша милость!»
«Ужъ и то во мнѣ все сбылось ;
«Не поѣду ни за что !»
—«Нѣть, Иванушка, не то,
«Завтра я хочу заставить

«На дворъ котлы поставить,
«И костры подъ нихъ сложить.
«Первый, думаю, палить
«До краевъ водой студеной
«А второй—водой вареной,
«А послѣдній молокомъ,
«Вскипятя его ключемъ.

«Ты же долженъ постараться,
«Пробы ради, искупаться
«Въ этихъ трехъ большихъ котлахъ,
«Въ молокъ и въ двухъ водахъ!»
—«Вишь, откуда подъѣзжаетъ!»

Рѣчь Иванъ тутъ начинаетъ:
«Шпарять только поросятъ,
«Да индюшекъ, да цыплять ;
«Я вѣдь, глянь, не поросенокъ,
«Не индюшка, не цыпленокъ.
«Вотъ въ холодный, такъ опо
«Искупаться бы можно,
«А подваривать какъ станешь,
«Такъ меня и не заманишь.

« Полно, Царь; хитрить, мудрить,

« Да Ивана проводить !»

« Царь, затрясши бородою —

« Что? рядиться мнѣ съ тобою ?»

Закричать онъ «По смотри !

« Если ты въ разсвѣтъ зари

« Не исполнишь повелѣнья, —

« Я отдамъ тебя въ мученье,

« Прикажу тебя пытать,

« По кусочкамъ разрывать.

« Вонъ отсюда, болесть злая!»

Тутъ Иванушка, рыдая,

Поплелся на сѣновалъ,

Гдѣ конекъ его лежалъ.

« Что, Иванушка, не весель?

« Что головушку повѣсили ?»

Говорилъ ему конекъ :

« Чай нашъ старый женишокъ

« Снова выкинуль затѣю?»

Палъ Иванъ къ коньку на шею,

Обнималъ и цѣловалъ.

« Охъ, бѣда, конекъ! » сказалъ:

« Царь въ конецъ меня сбываетъ ;

« Самъ подумай, заставляетъ

« Искупаться мнѣ въ котлахъ,

« Въ молокѣ и въ двухъ водахъ :

« Какъ въ одной водѣ студеной,

« А въ другой водѣ вареной,

« Молоко слышь, кипятокъ. »

Говорить ему конекъ :

« Вотъ ужъ служба, такъ ужъ служба !

« Тутъ нужна моя вся дружба.

« Какъ же къ слову не сказать :

« Лучше бѣ памъ пера не брать ;

« Отъ него-то, отъ злодѣя,

« Столько бѣдъ тебѣ на шею....

« Ну, не плачь же, Богъ съ тобой !

« Сладимъ какъ-нибудь съ бѣдой.

« И скорѣе самъ я сгину,

« Чѣмъ тебя, Иванъ, покину:

« Слушай: завтра на зарѣ,

«Въ тѣ поры, какъ на дворѣ
«Ты раздѣнешься, какъ должно,
«Ты скажи Царю:—Не можно лѣ,
«Ваша милость, приказать,
«Горбунка ко мнѣ послать,
»Чтобъ въ послѣдни съ нимъ проститься.—
«Царь на это согласится.
«Вотъ какъ я хвостомъ маину,
«Въ тѣ котлы мордой маину,
«На тебя два раза прысиу,
«Громкимъ посвистомъ присвисну,
«Ты, смотри же, не зѣвай:
«Въ молоко сперва пыряй,
«Тутъ въ котель съ водой варепої,
«А оттудова въ студеной.
«А теперича молись;
«Да спокойно спать ложись.»

На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ копекъ Ивана.
«Эй, хозяинъ, полно спать!

Время службу исправять.»
Тутъ Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся;
Помолился на заборъ
И пошелъ къ Царю во дворъ.

Тамъ котлы уже кипѣли ;
Подлѣ нихъ рядкомъ сидѣли
Кучера и повара
И служители Двора;
Дровъ усердно прибавляли,
Отъ Иванѣ толковали
Втихомолку межъ собой,
И смѣялися порой.

Вотъ и двери растворились ;
Царь съ Царицей появились,
И готовились съ крыльца
Посмотрѣть на удалца.
«Ну, Ванюша, раздѣтайся,
И въ котлахъ, братъ, покупайся ? »







Грав. на дер. Л. Съряковъ.

Печ. Э. Шефферъ.

Царь Ивану закричалъ.
Тутъ Иванъ одежду снялъ,
Ничего не отвѣчая.
А Царица молодая,
Чтобъ не видѣть наготу,
Завернулася въ фату.
Вотъ Иванъ къ котламъ поднялся,
Глянулъ въ нихъ — и зачесался.
« Что же ты, Ванюша, сталъ ? »
Царь опять ему вскричалъ :
« Исполняй-ка, братъ, что должно ! »
Говорить Иванъ : « Не можно ль,
« Ваша милость, приказать —
« Горбунка ко мнѣ послать.
« Я въ послѣдни-бъ съ нимъ простился. »
Царь, подумавъ, согласился,
И изволилъ приказать
Горбунка къ нему послать.
Тутъ слуга конька приводитъ
И къ сторонкѣ самъ отходитъ.

Вотъ конекъ хвостомъ махнулъ,
Въ тѣ котлы мордой макнулъ,
На Ивана дважды прыснулъ,
Громкимъ посвистомъ присвистнулъ.
На конька Иванъ взглянулъ,
И въ котель тотчасъ нырнулъ,
Тутъ въ другой, тамъ въ третій тожа,
И такой онъ сталъ пригожей—
Что ни въ сказкѣ не сказать,
Ни первомъ не написать !
Вотъ онъ въ платье нарядился,
Царь-дѣвицѣ поклонился,
Осмотрѣлся, подборясь,
Съ важнымъ видомъ, будто князь.

«Эко диво !» всѣ кричали :
«Мы и слыхомъ не слыхали,
«Чтобы лъзя похорошить !»

Царь велѣлъ себя раздѣть,
Два раза перекрестился,—
Бухъ въ котель — и тамъ сварился !

Царь-дѣвица тутъ встаетъ,
Знакъ къ молчанию подаетъ,
Покрываю поднимаетъ,
И къ прислужникамъ вѣщаетъ :

« Царь велѣль вамъ долго жить !
« Я хочу Царицей быть.

« Люба ль я вамъ ? отвѣчайте !

« Если люба, то признаите

« Володѣтелемъ всего —

« И супруга моего ! »

Тутъ Царица замолчала,

На Ивана показала.

« Люба, люба ! » всѣ кричатъ.

« За тебя хоть въ самой адъ !

« Твоего ради талана,

« Признаемъ Царя Ивана ! »

Царь Царицу тутъ беретъ,
Въ церковь Божію ведетъ
И съ невѣстой молодою
Онъ обходитъ вкругъ палою.

Пушки съ крѣпости палять ;
Въ трубы кованы трубятъ ;
Всѣ подвалы отворяютъ,
Бочки съ фряжскимъ выставляютъ,
И напившися, народъ,
Что есть мочушки, деретъ ;
«Здравстуй, Царь нашъ со Царицей ! »
«Съ распрекрасной Царь-дѣвицей ! »

— *други актёры подобно*
Во дворцѣ же пиръ горой :
Вина льются тамъ рѣкой ;
За дубовыми столами
Пьютъ бояре со князьями.
Сердцу любо ! Я тамъ былъ,
Медь, вино и пиво пилъ ;
По усамъ хоть и бѣжало,
Въ ротъ ни капли ни попало.



MET
PG





2011094730